Министерство образования Российской Федерации

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Язык • Речь • Речевая деятельность

Межвузовский сборник
научных трудов

Выпуск четвертый
Часть третья

Нижний Новгород
2001

Министерство образования Российской Федерации

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Язык • Речь • Речевая деятельность

Межвузовский сборник
научных трудов

Выпуск четвертый
Часть третья

Нижний Новгород
2001

Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

УДК 800

Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск четвертый. Часть третья. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2001, - 76 стр.

В сборник вошли статьи, посвященные актуальным проблемам языкознания, а также вопросам методики обучения русскому языку. Выпускается в трех частях.

Редакционная коллегия:

М.А. Грачев – доктор филологических наук (отв. редактор);
В.Г. Тихонов – кандидат филологических наук;
Н.П. Дмитренко – кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Рецензент: доктор филологических наук, доцент Л.В. Рацибурская

© Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2001

Т.В. Романова

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА
(П. Басинский "Московский пленник")

Если представить концепт как динамическое, а не метафизическое образование, должна быть сила (категория), структурирующая, развивающая, формирующая концептуальное содержание текста. Это может быть образ автора, в нашем исследовательском подходе – это категория модальности. Категорию субъективной модальности можно представить как некий набор кодов и схем, которые объясняют адресату способ, путь понимания авторского отношения к изображаемому.

Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает лишь элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста. По существу можно назвать только один текстовый знак, который присущ всем текстам и всегда занимает в них одно и то же место, образуя сильную позицию, - ***заголовок*** (Т.Р.) [1]. Начало текста и заголовок – точка отсчета понятийного цикла, и потому предмет особого внимания, ключ **к концептуальной структуре произведения.** А. Вежбицкая вводит термины **концепт-минимум** и **концепт-максимум**. Концепт-минимум – это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка. Концепт-максимум – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. Если перенести это на концепт-заголовок, то концепт-минимум – это содержание и объем концепта-заглавия на входе (до чтения), концепт-максимум – на выходе (после чтения). "Концепт – исходная точка семантического наполнения слова (***заглавия*** – Т.Р.) и одновременно – конечный предел развития" [2]. Название – компрессия концептуального смысла текста, определяет стратегию текста, модальная семантика – тактика, раскручивающая, как пружина, данный концепт.

Рассмотрим тактику реализации субъективно-модального концепта на примере текста П. Басинского "Московский пленник» (исповедь провинциала) [3]. Подзаголовок уточняет, усиливает концепт-название (*пленник – провинциал*). "На входе" в нашем исследовательском сознании возникло две ассоциации на название: первая, скорее, тяготеет к культурно-специфическим [4]: Л. Толстой "Кавказский пленник", вторая – к индивидуальным: повесть Г. Щербаковой "Провинциалы в Москве". Название представляет собой "матрешечный" концепт, концепт в концепте: 1) *пленник*, 2) *московский*. Любой концепт не одинарен по своей структуре. Он имеет две и более составляющие.

Плен – *состояние **порабощенности**, в котором находится человек, захваченный противником и **лишенный свободы**.*

Пленник – *пленный – находящийся в плену* [5]; перен. *Человек, попавший под власть кого-чего-н.,* ***подчинившийся очарованию*** *кого-чего н.;* ***лишенный собственной воли*** [6]; *… во власти,* ***в плену каких-л. идей, убеждений*** [7].

Выделенные семы важны для актуализации, развертывания концепта *пленник* в тексте. В начале текста – это противопоставление "Я – ОНИ".

Сегодня, вспоминая события того времени, я торжественно заявляю, что второй раз в Литературный институт меня принимал сам ***Господь Бог****, меня не простивший, но мать мою пожалевший. Это* ***Он, а не Евгений Юрьевич Сидоров****, сказал нечто очень справедливое:*

- ***Надо*** *этого паренька брать.*

И ***они*** *меня взяли!* [3]

Сема *противостояние*: **Я** (на моей стороне ***справедливость, Господь Бог***) – **Они** (***Е.Ю. Сидоров***). Семы *подчиненность, порабощенность, лишенность собственной воли: "надо брать"* (модальность волеизъявления Божественных сил и модальность вынужденности (нежелания) противной стороны; модальности противоречат содержанию фразеологизма *взять в плен* в прямом значении, но соотносятся с переносным значением слова *пленник*), *"они меня взяли"* (берут в плен: фразеологизм *взять в плен*).

На первом этапе понятийного цикла содержание понятия *пленник* наполняется признаками в соответствии с языковыми требованиями к его объему, но в логическом соответствии с фреймом. Далее объем понятия расширяется за счет уточнения его признаков. Объем понятия *пленник* прирастает семой *московский* и включает множество мыслимых нами ассоциаций и событий текста. Понятие *московский пленник* имеет содержание и объем. Объемом понятия, т.е. значением словосочетания (денотатом) является противопоставление (противостояние) *Москвы* и *провинции* (антонимия семантики), концепт *противостояние* заложен в названии. Содержание понятия эксплицируется в тексте в виде процесса проекции признаков понятий *москвич, провинциал*. Из первичного анализа следует, что содержание понятия *московский пленник* превосходит его объем в ряде существенных признаков.

Ведь все они (1) ***не москвичи (понятие не географическое, но скорее метафизическое)****, что и (2)* ***первого редактора своего, наверное, получают через родителей, как акушера*** *и домашнего врача* [3]. [(1) – *провинциал* (не москвич); (2)- *москвич*]…

Когда мне говорят, что евреи сделали революцию, чтобы отомстить нам, русским, я вспоминаю этимологию слова "русский" по Ключевскому (князь-варяг, начальник, володевший пестрой славянской территорией) и говорю про себя: "Так вам, русским, и надо!" Потому что нет русских – есть Россия! Волжане и беломорцы, туляки и калужане, мордва и татары. Но пуще всего – столичные и провинциалы! И нам, русским провинциалам, всегда будет о чем потолковать с провинциальными евреями и на что

посверкать очами – мы не перепугаемся из-за бредней картавящих столичных славянофилов! [3].

1) **провинциалы:** *русский провинциал = провинциальный еврей* (отношения тождества). *Россия: волжане, беломорцы, туляки, калужане, мордва и татары; провинциальный университет, слинял в Москву столбить свои золотые прииски* – фрейм (гештальт), в рамках которого развивается понятие; *посматривал на московскую жизнь с завистью, по-хозяйски* – противоречие, слабый импликационал в сочетании, суть конфликта; *черта оседлости.*

2) **столичные**: *славянофил столичный картавящий* (оксюморон) → имплицитно *еврей;* энантиосемия, знак стремится к своей противоположности, приращение смысла → *русский* → *князь-варяг, начальник, володевший пестрой славянской территорией.*

Дешифровка концептуальной структуры на пропозициональном уровне опирается на номинативные лексические единицы (*столица* и *провинция*), эксплицирующие денотативное значение, для которого характерна визуальная ментальная репрезентация, облегчающая мыслительную работу по проектированию пропозиций. В то же время предикативные единицы являются носителями сигнификативных созначений и эксплицируют признаки понятия, не требующие дополнительной дешифровки [8].

Далее противопоставление и наполнение концептов *москвич - провинциал* проводится по признаку *отношение к литературе.*

Как-то в столовой Ленинской библиотеки молодой, но уже маститый столичный филолог рассказывал, что его родители, потомственные литераторы, советовали заняться творчеством Горького, но он не согласился, потому что "общаться с этой горьковедческой шатией-братией западло". Я-то как раз тогда занимался Горьким и очень любил и жалел этого большого писателя и солнечного Человека – моего великого провинциального брата, одного из самых значительных мастеров нашей "масонской ложи". Но меня поразил даже не тот снобизм, с которым он говорил о дорогом мне человеке, а та степень свободы, с которой он в молодости сделал свой выбор. Я живо вообразил: детально, не торопясь, он проговаривал с родителями свое будущее. Потом они, возможно, поссорились на несколько дней. Потом отец вызвал сына в кабинет и извинился за несдержанность. А сын, краснея, сказал: "Да брось ты, папа!" Потом они обнялись и роняли в своей четырехкомнатной квартире на метро "Аэропорт" скупые мужские слезы. Потом папа сел писать свой роман о юности В.И. Ленина, а сын пошел заниматься Набоковым и Ходасевичем [3]. Выделим семы *отношение.*

1) ***Снобизм**, с которым говорил о **дорогом** мне человеке* (конфликтная семантика, противоположная модальность *снобизм - дорогой*); *степень свободы сделать свой выбор: папа – роман о юности В.И. Ленина,*

четырехкомнатная квартира, сын занимается Набоковым и Ходасевичем; имплицитно – **зависть** и **ирония** (из столкновения несовместимого); 2) ***занимался** Горьким, очень **любил и жалел** этого **большого писателя, солнечного Человека**, моего **великолепного провинциального брата, одного из самых значительных мастеров нашей "масонской ложи".*** Упоминание Горького в данном тексте представляется нам знаковым. Анализируемое повествование нам представляется неким освобождением от "комплекса провинциала". Количество оценочных сем качественно усиливает сему *отношение*.

Масоны <фр. francs-maçons букв. вольные каменщики> – иначе франкмасоны – члены религиозно-этического общества, возникшего в XVIII в. в Англии, а затем распространившего сеть своих ячеек (лож) и в остальных странах Европы (в том числе в России); **проповедь нравственного самоусовершенствования** сопровождалась у масонов специальной обрядностью и таинственностью… [9].

…О-о, я много занимался этой самой современностью, печатая в "Литературной газете" забойные фельетоны о разных текстах, пока однажды не понял, что оказался винтиком в механизме пошлейшей московской литературной игры. Но по порядку.

Мой земляк Аристарх Григорьевич Андрианов работал заведующим отделом в "Литературной газете". Если б не он, меня, вне сомнений, ни за что бы не напечатали. За площадь влиятельной "Литгазеты" бились в кровь не какие-то провинциальные щенки, а матерые волки столичного литпроцесса. Но в газете существовали две провинциальные "мафии": волгоградская (Андрианов и куратор всея литературной "тетрадки" Е.А. Кривицкий) и ростовская (редактор литературного отдела Федор Григорьевич Чапчахов). Волгоградская мафия и пригрела меня и наставила на путь.[*]

---

[*] *"Ага! – закричат москвичи. – Вот и проговорился! Что мафия, то сплошная провинция! А где пресловутый московский блат? Спокойно! Во-первых, я и собирался не лукавить, но писать так, как есть. Разумеется, коренной москвич лучше московского провинциала в такой же степени, в какой добрый и богатый граф лучше хитрого и бедного журналюги. И лучше, и талантливей, и великодушней, и все, что хотите. Во-вторых, зачем, скажите, москвичам "мафия", если в том же учреждении (газете, журнале, НИИ, МГУ, МГИМО и т.п.) и так работает родной дядя жены брата отца, который опекал своего тройчато-внучатого племянника сызмальства, водил его на карусели в Сокольники и рассказывал о своей сложной, ответственной, но крайне увлекательной профессии, например, писательстве или литературной критике? И если в 15 лет в племяннике проснулись недюжинные литературные способности, а в 18 лет он отнес дяде на суд свой первый рассказ или статью, а дядя с чистым сердцем пристроил это в своем органе, что же в том плохого! Больше того, здесь возможен и гармонический конфликт между поколениями, например, дядя - консерватор, а племянник – авангардист. Все это не мешает им мирно существовать вместе, только на разных территориях, которые вместе и называются – Москва, родной дом. И только столичным провинциалам приходится не выбирать ниши, а заполнять еще не занятые. Или создавать свои. [3].*

Мне объяснили, что критические статьи не пишутся "просто так" – они "заказываются". Но я не желал писать заказные статьи! Я не был каким-то шатуном – я был наполеоном! Это выглядело примерно так, что молодой выскочка из провинции не соглашается быть солдатом мафии, но сразу же требует своей зоны влияния. Но Аристарх Григорьевич ради нашей любви к Волге не стал щелкать меня по носу. Свободная ниша все-таки была. Никто не хотел писать реплики и фельетоны. Это означало наживать врагов, чего большинство критиков побаивалось. Это стал делать я.

- Видишь ли, Паша... - говорил мне А.Г., прочитав мое очередное "нельзя молчать". – Этого дядю не надо трогать, потому что он еврей. А этого не надо трогать, потому что он нееврей. За евреев очень обидятся евреи, а за неевреев – неевреи. Понял, сынок?

Современный столичный литературный процесс автором оценивается как ***пошлейшая*** *московская литературная* ***игра***: с одной стороны – ***матерые волки*** *столичного литпроцесса*, с другой – *провинциальные* ***щенки*** *бились в кровь за площадь влиятельной "Литгазеты"*. Имплицитно выражен концепт *война*. Словосочетание *провинциальная мафия* в тексте синонимично фразеологизму *масонская ложа*. Употребление лексемы *мафия* противоречит лексическому значению слова *пленник* (мафия не подчиняется, сама оказывает влияние), усиливает концепт *война*. **Мафия** – <ит. Maf(f)ia> - тайная организация, возникшая в конце XVIII в. в Сицилии, **терроризирующая население различными средствами**...; **организованная преступность** [9]. Внутри каждого из противопоставленных концептов (*столица – провинция*) намечается оппозиция. Первая оппозиция: *провинциальная мафия – отдельный провинциал. Молодой* ***выскочка*** *из провинции* ***не соглашается*** *быть солдатом мафии,* ***требует*** *своей зоны влияния* (фразеологизм *свободная ниша*). Оппозиция задана и через способ повествования. Субъектом речи, оценки является *провинциальная мафия, объектом оценки* – повествователь, который являлся до этого субъектом речи. Авторизирующая часть, обозначающая субъект речи, мнения, отношения, точки зрения, – главная часть СПП, безличная структура, глагол речи: *Мне* ***объяснили***...; глагол восприятия 3 л. ср.р. в двусоставной структуре: *Это* ***выглядело*** *примерно так...* (субъект восприятия имплицитен, обобщен, но по контексту восстанавливается). Объект оценки обозначен формой косвенного падежа (Д.п. – *мне*) в авторизирующей части. Полисубъектность структур с косвенной речью, другие способы введения чужой речи (прямая речь), диалогическая форма подстрочника (сноски), гипертекстовая связность основного текста и подстрочного отступления передают модальные оппозиции. Вторая оппозиция: *коренной москвич – московский провинциал.* Отношение между компонентами оппозиции задано оценочно-модальным словом *лучше*, которое усиливается повтором, поэтому его можно считать

доминантой (*коренной москвич* ***лучше*** *московского провинциала, и* ***лучше,*** *и* ***талантливей,*** *и* ***великодушней****, и все, что хотите).* Простая форма сравнительной степени прилагательного в данном случае – пример того, что грамматическая форма может быть носителем концептуального содержания, она интенциональна [10] (См.: А. Адамович "Vixi" - сов.в. – прожито с подзаголовком "Законченные главы незавершенной книги").

Таким образом, концепт *московский пленник* иерархичен, включает по меньшей мере три оппозиции: *москвичи – провинциалы; коренной москвич – московский провинциал; провинциальная мафия – отдельный провинциал.* Проследим дальнейшую тактику автора.

Его первая книга "Бессонница" вышла через 12 лет и была издана за свой счет. За свой счет. И это очень важно для понимания провинциальной натуры. В то время он был хотя и скромно, но все-таки известным в московской среде поэтом. Его стихи знали, ценили те, кто мог оценить. Но опять же неверно считать причиной этой известности институтские "хождения". Они были только частью целого, что называется провинциальной стратегией и означает созидание своего места там, где его нет или его просто забыли внести в план Москвы. Столичный провинциал – вечный бунтарь против мира. Он оставляет место, на котором сотворен Богом, и создает собственное – на нерасчищенной территории. Если не получается – он гибнет или крадет чужое пространство. И порой мне делается страшно от этих невидимых слез, этого духовного скрежета… Сходное мировидение я нашел в некоторых вещах Владимира Маканина и романе Фридриха Горенштейна "Место". И я понял, что не один ловлю по ночам эти волны [3].

Сущность преобразуется в действие. Провинциальная натура (*вечный бунтарь против мира; за свой счет* (ФЕ) определяет провинциальную стратегию поведения (*созидание своего места там, где его нет; оставляет место, на котором сотворен Богом* (неограниченность, противоестественность), *создает собственное на нерасчищенной территории; если не получается, гибнет или крадет чужое пространство*), литературные ассоциации: Вл. Маканин, Фридрих Горенштейн.

Что сблизило нас? Каким-то шестым чувством я понял: этот человек брат мой, брат по крови! Он провинциал до мозга костей, как и я, и, как и я, московский пленник, Жилин, которого не вызволит из плена ничто, кроме дворняжьей натуры и дарования. А сомневаться в своих дарованиях мы не могли, как не может Робинзон на острове сомневаться в наличии пресной воды. Если воды нет и придется подыхать от жажды, то и сомневаться – лишнее. [3].

Автор использует еще ряд синонимично-оценочных замен понятия ***московский пленник****: провинциал до* ***мозга костей*** *(ФЕ) – московский пленник* (ассоциация – *Жилин*, прецедентный текст вводится прецедентным именем) – *брат по крови* (ФЕ – концепт поля *провинциальная мафия,*

провинциальное братство, провинциальная масонская ложа) – и новые семы: (*не вызволит из плена ничто, кроме*) *дворняжья натура; дарование; не могли сомневаться в своих дарованиях, лишнее* (модальность запрета, невозможности).

Ваш брат. Выражение исконно русское. Возникло из обобщенных оценок поведения и характера монахов и монахинь, которые называли друг друга **братьями** и **сестрами** [11].

До мозга костей. 1. Всем существом, целиком, полностью, во всем. 2. Основательно, по-настоящему. Син.: до конца ногтей, до кончиков пальцев, до корней волос (во 2-м знач.) [12].

Брат по крови – синоним. кровь от крови (о кровном родстве); узы крови – кровные узы. Об идейном родстве – порождение, детище кого-либо или чего-либо. Братья – равноправие.

Обращает на себя внимание частотность употребления слов *плен, пленник.*

Введение прецедентного текста обнажает в объеме нежесткого импликационала понятия *московский пленник* имплицитную сему *выживаемость* и *наличие спасающего* (Дина – у Толстого), здесь – *дворняжья натура (приспосабливаемость)* и *дарование,* а также *отсутствие сомнений.*

Прецедентный текст вводится как источник сходных ситуаций. Указание на текст Толстого для Басинского ценностно маркировано. “Ввод в дискурс прецедентного текста почти всегда характеризуется мировоззренческой, идеологической окрашенностью. Это вытекает из таких особенностей его употребления, как направленность не на номинацию явления, а на выражение отношения к нему (оценочной позиции). Коннотативный оценочный компонент содержания практически полностью вытесняет денотативную семантику: в круг обозначаемых знаком прецедентного текста явлений и понятий могут войти практически любые, предметно-логически не коррелирующие между собой референты, если они объединены полем общей оценочной реакции. Зачастую вообще знак прецедентного текста денотативно “пуст”, являя собой в чистом виде характеризующую, оценочную функцию” [13]. Все функции ввода прецедентных текстов (в данном случае актуализированы номинативная и референтная) можно свести “к одной, предельно общей функции, которую можно назвать “отсылочной”, апеллирующей к общему культурному фонду говорящего и слушающего – по сути своей, прагматической. (Еще названы Маканин и Горенштейн, ассоциативно присутствует Г.Щербакова, чьи имена менее прецедентны, не имеют “сверхличностного характера” [14]: нет символичности, семантической дифференцированности, идиоматичности, ценностной маркированности – Т.Р.). Перед нами – своего рода “культурный дейксис” в речевой деятельности” [13]. Такая апелляция есть, с нашей точки зрения, средство создания диалогичности речи. Прецедентный текст

потенциально всегда диалогичен, т.к. используется как средство символизации любой ситуации вне его связи с содержанием исходного "пратекста", следовательно, его использование должно быть отражено собеседником и принято или не принято (выражено отношение⇒использование прецедентного текста порождает модальную реакцию собеседника). Прецедентные тексты вводятся или с целью подкрепить свое отношение (модальную реакцию) авторским (как в нашем случае), или намеренно "сменить полюса в системе ценностей" коннотативного оценочного потенциала, закрепленного за именем автора, персонажем или расхожей словесной формулой – с "минуса" на "плюс" или из одной ценностной сферы (скажем, идеологической оценки) в другую (система общечеловеческих ценностей или бытовая мораль "здравого смысла"). Здесь – с целью "приподнять" собственную значимость, умалить трудности, с которыми столкнулся персонаж, Жилин (ему ***помогли*** выбраться из плена). Цель введения второго прецедентного имени, Робинзон, - переход из системы ментальных ценностей в систему бытовых ценностей.

Дифференциальные признаки ПИ (прецендентное имя) могут включать характеристику предмета (1) по чертам характера или (2) по внешности – или (3) актуализироваться через прецедентную ситуацию. В нашем случае, скорее последнее (оба героя – *одиночество, борьба за выживание*), хотя первое не исключено – *не желающий подчиняться чужой воле, обстоятельствам.*

Атрибутами называются некие "элементы", тесно связанные с означаемым ПИ, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации (*кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рот Наполеона*) [15]. В нашем случае: Жилин – *плен, вызволение из плена;* Робинзон – *остров, пресная вода.*

Использование прецедентного имени в качестве имени-символа является одним из возможных вариантов функционирования самого ПИ в коммуникации. ПИ выполняет функцию символа в том случае, когда необходима апелляция к прецедентному тексту и/или прецедентной ситуации вернее – к инвариантам их восприятия. Например, ПИ *Жилин, Робинзон* могут быть использованы (и используются) для актуализации как самого прецедентного текста "Кавказский пленник", "Робинзон Крузо", так и для апелляции к какой-либо ситуации, описанной в данных ПТ (прецедентный текст). В таком случае ПИ *Жилин, Робинзон* функционируют как имена-символы прецедентного текста и/или прецедентной ситуации. В других случаях, когда кто-либо характеризуется как человек, вынужденный вести затворнический образ жизни вдали от цивилизации, без удобств (Робинзон) или попавший в плен и бежавший (с чужой помощью) (Жилин), данное имя используется именно как собственно прецедентное, но не как символ.

Понятия *провинциал, москвич* соотносятся с понятиями *провинциальная среда* и *столичная среда.* Характеристики понятия *провинциальная среда*: *любит, калечит.* Ментальность провинциальной среды противопоставлена ментальности столицы: *"Коренной москвич никогда не поймет провинциальной среды"* [3]. Модальное значение отрицания выражено имплицитно (*не может понять* отрицание возможности). Столичная среда (образование): *"Это серьезное искушение, это экзистенциальный путь, это следствие величайшей* ***беды*** *России – ее безмерности".* Пленник вынужден *платить по счетам* (ФЕ) *длиною в жизнь (повесились – оборвать жизнь – заплатить по счетам, оплатить счет).* Модальная доминанта: *"Надо быть последним идеалистом и барином…* ***Нет****, мои милые!* (семантика отрицания).

Если за стратегию анализируемого текста принять реализацию концепта *московский пленник*, то превалирующими тактиками нужно считать тактику оценочного отношения, высокой степени категоричности (модальность **запрета, невозможности, отрицания**). Как нам кажется, такое положение вещей определено, в первую очередь, семантикой словосочетания-концепта. "Лексическое значение может сочетать в структуре либо оба типа содержания – **когнитивное** и **прагматическое**, либо ограничиваться одним из них. Подавляющее большинство слов прагматически нейтральны, в их значениях представлен лишь когнитивный компонент содержания с определенной внутренней структурой. В этом случае слова сами по себе свободны от выражения субъективных эмоционально-оценочных отношений к денотатам речи. Впрочем, это не мешает им в определенных условиях контекста и ситуации речи получать известную прагматическую окраску. Однако такая их окраска – не собственное их значение, а производное от взаимодействия с контекстом и ситуацией речи. Тем самым она – не элемент содержательной структуры слова, а элемент содержательной структуры контекста" [16].

Одну группу образуют слова, денотаты которых специфичны в одном отношении – их свойства аксиологически релевантны, т.е. затрагивают систему ценностных ориентаций людей и поэтому служат устойчивым источником единообразных эмоциональных реакций и оценок, положительных и отрицательных, большей или меньшей интенсивности. Ведущим в значении слова является описание некоего класса или признака денотатов самого по себе, но ценностная природа этого класса такова, что непременно вызывает эмоции и оценки. Тем самым **прагматическое значение возникает как аксиологическая производная когнитивного значения** [16].

В структуре ЛЗ выделяются две части – **интенсионал** и **импликационал**. Интенсионал – содержательное ядро ЛЗ, импликационал – периферия семантических признаков, окружающих это ядро [16]. Интенсионал имеет родо-видовую структуру (гиперсему и гипосемы).

Информация о денотате, которую слово несет в тексте, складывается из двух частей: переменных **интенсиональных признаков** и некоторой части **импликациональных признаков**, актуализируемых контекстом. Импликация признаков может быть жесткой (обязательной, необходимой), высоковероятностной, слабой (свободной) и отрицательной [16]. **Контенсионал**, или содержание понятия, - это совокупность, а точнее структура отраженных в данном понятии (значении, имени) признаков. **Экстенсионал**, или объем понятия, – это множество вещей (денотатов), с которыми соотносится понятие (значение, имя)[16].

Если в тексте несколько слов или даже словосочетаний имеют одинаковую предметную соотнесенность, о них говорят, что они **кореферентны** [16]: *Московский пленник – провинциал, провинциальный москвич, не москвич, вечный бунтарь против мира, провинциальные щенки, дворняжья порода.*

При контекстуальном варьировании прямого значения имени в его **контенсионале** содержится некое постоянное ядро – устойчивая структура признаков, характерная для данного класса. В нашем случае – те признаки, которые ожидают встретить в любом *пленнике* (см. ниже). Это стабильное ядро, устойчивую часть вариабельного контенсионала называют **интенсионалом значения** [16]. Интенсионал (основное ядро) – импликационал (актуализируемые контекстом семы), жесткий, слабый, отрицательный.

Интенсионал (внутренний, значение, имя) и **экстенсионал** (внешний денотат, к которому приложимо имя) находятся в обратной зависимости друг от друга. Чем богаче интенсионал понятия (значения, имени), чем больше признаков он содержит, тем беднее экстенсионал этого понятия (значения, имени), тем меньше число вещей (денотатов), к которым приложимо это понятие (имя). Обратное также справедливо [16].

Интенсионал понятия и значение имени *московский пленник* образуются признаками, объединенными родо-видовыми отношениями (гиперсема *лицо порабощенное* и гипосемы *лишенное свободы, собственной воли*) и отношениями смежности в структуре понятия (*московский пленник* – синтагматическая сема – *лицо, подчиненное столицей*). Это значение концепта "на входе" (концепт-минимум). Экстенсионал этого понятия и имени, если их взять в обобщенном смысле, на уровне класса, включает всех, кто является "провинциальными москвичами". На выходе интенсионал понятия расширяется и сужается экстенсионал: *россияне (волжане, беломорцы...) → не москвичи → провинциал в Москве → "масонская ложа", "провинциальная мафия" → провинциальный литератор в Москве.*

Скажем об этом кратко. Понятие *московский пленник* кореферентно понятиям *провинциал, провинциальный москвич.* Когнитивная и прагматическая информация в содержании понятия *московский пленник* коррелируют. "Прагматический компонент значения относится к

информации о субъективном отношении, оценке, переживании означаемого факта, субъективной установке индивида на этот факт. Когнитивный и прагматический компоненты значения коррелируют друг с другом, … т.к. различие в субъективной ценности вещей, явлений, событий для человека коренится в различии их объективных свойств" [16]. В когнитивной части понятия контенсионал коррелирует с **экстенсионалом** (Россияне: волжане, беломорцы, не москвичи…, литератор…), находятся в обратной зависимости. Контенсионал: гипосемы *лицо порабощенное*, гиперсемы *лишенное собственной воли, свободы, подчиненное столицей.* Импликационал: жесткий (*лицо в плену каких-л. идей, убеждений*), слабый (*бунтарь, созидающий свое место там, где его нет; дворняжья натура; дарование; понятие не географическое, метафизическое; нравственные искания; зависть; борьба с москвичами*), отрицательный (*они, москвичи; степень свободы сделать свой выбор; четырехкомнатная квартира; снобизм по отношению к провинциалам*).

Прагматическая информация заключена в ассоциативных семах (*"Кавказский пленник", "Робинзон Крузо", "провинциалы в Москве"*), в оценочных (Кто *лучше, талантливее*), эмоциональных (*обида*), в семах, выражающих отношение (*высокомерие*).

Примечания

1. Басинский П. Московский пленник (исповедь провинциала) // Октябрь, 1997. № 9.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998. С. 57.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С.841.
4. Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания, 1994. № 2. С. 29-43.
5. Караулов Ю.Н. Лингвистические основы функционального подхода в литературоведении // Проблемы структурной лингвистики-80: Сб. научн. тр. ИРЯ АН СССР. М., 1982.
6. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер.2 Вып.3 (№ 16), 1992. С. 30-40.
7. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998. С. 64.
8. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. Учебник для филологических специальностей вузов. М., 1999. С.59.
9. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. СПб., 1996.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 450.
11. Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 159-162.
12. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты: "Язык культуры" в речевой деятельности // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. В 3 ч. Н.Новгород: НГЛУ, 1999. Ч.3. С.15-16, 17.
13. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989.С. 304, 306.
14. Степанов Ю.С. Концепт культуры в разрезе // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. В 2 ч. Тамбов, 2000. Ч.1. С.8.
15. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. проф. Ушакова. М., 1996. Т.3. С. 295.
16. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. СПб., 1994. С.248.

Н.В. Рубцова

НАУЧНО-УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ СТУДЕНТА

В.В. Виноградов писал: «Никто не может быть красноречивым, не быв добродетельным. Красноречие есть голос внутреннего совершенства» [1].

Может ли быть красноречивым, т.е. искусно владеющим профессиональной речью, преподаватель той или иной области знания? Может ли он быть добродетельным по отношению к своим слушателям? Да, если он совершенен в своей специальности, если имеет методический опыт рассказать о своем предмете, т.е. если он обладает профессиональной ментальностью.

Современное языкознание в последние десятилетия уделяет много внимания изучению новых философско-лингвистических понятий – «языковой картине мира», «языковой личности», «менталитету» и «ментальности».

В.В. Колесов под *менталитетом* понимает национальный способ видения мира и действования в определенных обстоятельствах, *ментальность* же, в его представлении, это миросозерцание в категориях и формах родного языка.

Продолжая мысль В.В. Колесова, автор статьи предлагает понятие *профессиональной* ментальности – видения мира профессии (по концепции автора статьи, - *профессиональной картины мира*) в категориях и формах языка специальности.

Задача вуза – воспитание профессиональной ментальности будущих педагогов, формирование *профессиональной языковой личности* через освоение *профессиональной языковой картины мира* (два последних понятия автор вводит как видовые по отношению к захватившим сегодня умы лингвистов – *языковой личности* и *языковой картине мира*).

Средствами обучения «миру» профессии (у нас – русскому языку), составляющими содержание образования, М.Р. Львов считает «языковые понятия и термины, … их определения, … примеры употребления языковых единиц в речи, т.е. в текстах» [2].

До недавнего времени в обучении «миру» лингвистики уделялось большее внимание языку в статике, языку как механизму общения.

Однако в последние десятилетия акцент изучения с «устройства» языка сместился на проблемы его функционирования. Была осознана суггестивная функция языка (суггестия - внушение), взявшая в качестве своей основы деятельностную сторону речевого поведения говорящей

личности – «язык в действии», по Л.В. Щербе. Обнаружилось, что коммуникации в ее «чистом» виде практически не существует, что коммуникативные акты осуществляются ради определенных задач и целей, которые занимают более высокий иерархический статус, чем собственно информативное сообщение, содержащееся в том или ином речевом произведении (высказывании – речевом акте – тексте-дискурсе).

В прагматическом аспекте языка суггестия как неявное, «скрытое» воздействие на партнера по общению присутствует в той или иной мере в каждом иллокутивном компоненте речевого произведения.

Очевидно, любой педагог, обучая профессии, преследует прагматическую цель – «внушить» профессиональные знания; не только рассказать о профессиональной картине мира, но обучить миру профессии (у нас – русскому языку).

Безусловно, процесс обучения должен быть комплексным: нужно изучать язык не только как механизм общения (концептосферу профессии), но и его коммуникативное состояние – тексты.

Известно, что основой языка науки является терминология. Представление о терминологии как о системе является традиционным и основано на результатах логико-понятийного анализа. Терминологическая система определяется как «сложная динамическая устойчивая система, элементами которой являются отобранные по определенным правилам лексические единицы какого-либо естественного языка; структура этой системы изоморфна структуре логических связей между понятиями специальной области знания или деятельности, а функция состоит в том, чтобы служить знаковой (языковой) моделью этой области знания или деятельности» [3].

Поэтому обучить терминологии в сфере фиксации и в сфере функционирования – это один из способов воспитания профессиональной ментальности.

Прежде чем говорить о научно-учебных текстах как источнике профессионального знания, необходимо отметить, что обращение к тексту (и в частности, - к термину в коммуникативном акте) возможно лишь после определенной дотекстовой работы. Напомним здесь в нескольких словах подробно описанные в более ранних статьях предложенные автором методические приемы дотекстовой работы с терминологией:

1. Знакомство с дефиницией термина, смысл которого заключается в установлении логического определения термина. Для этого изучаются терминологические словари, учебники и пособия по специальности.

2. Создание ассоциативного поля терминологической единицы, которое может осуществляться несколькими лингвистическими способами: а) подбором слов, сходных с данным словом по звучанию (структуре) и смыслу; б) подбором синонимичных и омонимичных терминов; в) использованием контекстных окружений.

3. Третьим методическим приемом, способствующим формированию тезауруса профессии, является поиск мотивации терминологического наименования. Так как выучивание и запоминание тех или иных определений учебных понятий не дает возможности осознанного восприятия получаемой информации, предлагается, прежде чем дать определение термину, проводить работу по поиску мотивации терминологического наименования изучаемых понятий, т.е. применять способ обдумывания внешней формы слова.

4. На основании описанных выше методических приемов автором был некогда апробирован так называемый метод априорного вхождения в содержание лекционного материала. Перед чтением лекции (лекция – разновидность научно-учебного текста) студентам предлагается терминологический план лекции, приводятся дефиниции используемой в тексте терминологии, осуществляются упражнения по поиску мотивации терминологического наименования, формируются ассоциативные поля необходимых терминологических единиц. Частью дотекстовой работы является также ведение словарного контроля, т.е. создание классов синонимии.

Метод априорного вхождения в содержание лекционного курса – это развитие в методическом плане некогда разработанного способа терминологического аннотирования научных текстов.

Понятия в научном тексте номинируются терминами, поэтому взаимоотношения между элементами содержания могут быть переданы через связи между терминами, называющими данные понятия текста. Таким образом, научный текст подобен системе, так как состоит из элементов (терминов и номенов – марок, номенклатур) и структуры (связей и отношений между терминами). Однотипность построения научных текстов позволяет размышлять о способах их компрессии – создании вторичных документов или конспектировании. Идея возможности представления содержания научного текста в виде перечня наиболее информативных терминов была выдвинута в свое время профессором Б.Н. Головиным [4].

Дальнейшие размышления автора в области обучения «миру» профессии привели к мысли «усилить» в процессе общения «преподаватель»-«студент» канал общения через учебный предмет [5]. Понятно, что «процесс обучения и процесс познания диалогичны по своей сути. Это прослеживается в характеристике любого жанра педагогического общения, даже такого «монологичного»», как лекция [6]. Но, как известно, в устной речи, а следовательно, и в лекции как ее разновидности есть свои особенности: 1) ослабленность текстовой организации и в ССЦ, и в дистантной межфразовой связи; 2) значителен объем лекции из-за разъяснений, добавлений; 3) членение материала интонационными (суперсегментными) средствами на не обусловленные подчас единицы; 4) в устной речи слабее видны опорные (ключевые) слова; 5) в устной речи

более частой является местоименная замена; 6) в устной речи много неинформативных слов.

Именно поэтому возникает необходимость большей формализации содержания лекционного курса, более продуктивного использования аудиторного времени – особенно, если на читаемую дисциплину учебным планом отводится немного времени.

Разработанные некогда способ терминологического аннотирования научного текста и метод априорного вхождения в содержание лекционного курса были воплощены в новом методе преподавания русского языка – методе «пакета» терминологических конспектов.

Научные и учебные тексты несколько отличаются друг от друга. В научном тексте чаще всего описывается профессиональный поиск, поэтому терминологическая аннотация (как сигнальная форма первоисточника и форма терминологического отражения профессиональной картины мира) чаще представляет собой совокупность терминологических сегментов речи – терминологических единиц текстов, которые при разложении, кроме специальных терминов, содержат в себе аспектные и общеупотребительные слова, общенаучные термины и слова с общенаучным значением [7].

Приведем небольшой фрагмент терминологической аннотации к научной статье И.А. Елисеевой «О термине и понятии “словосочетание”» в сборнике «Терминология и культура речи», подтверждающий сказанное:

отсутствие учения о словосочетании в русских грамматиках середины XIX века;
отсутствие единства в трудах лингвистов XIX-XX веков о сущности словосочетаний;
разграничение словосочетания и предложения в «Синтаксисе русского языка» (А.А. Шахматов);
соотношение предложения и словосочетания (В.В Виноградов; В.П. Сухотин и др.);
понимание словосочетания в «Грамматике русского языка» (1952-1954 гг.);
понятие детерминанта;
различное понимание объема словосочетания;
понимание, значения словосочетания;
разные определения функции словосочетания.

Как видим, терминологические единицы, отражающие содержание первоисточника, представляют собой терминологические сегменты речи.

В отличие от научных текстов в учебных текстах отражается информация об устоявшихся в науке концептуальных связях и отношениях, т.е. в них достаточно прозрачно видна тема-рематическая зависимость элементов содержания, ибо каждое вновь вводимое понятие с предыдущим находится в каких-либо смысловых отношениях – синонимии, части-целого, рода-вида. Кроме хорошо ощущаемых связей между фразами, в учебном тексте с легкостью выделяются сверхфразовые единства, т.е. микротемы текста (у ряда авторов - дискурсы). Темы дискурсов выражаются в тексте чаще малокомпонентными терминами, а углубление информации (рема) об

этих терминах обозначается терминологическими единицами более развитой грамматической структуры.

И.В. Арнольд указывает: «Создание когнитивных моделей текста невозможно без репрезентации семантических структур ключевых слов, составляющих тематическую сетку текста» [8].

В учебном тексте тематическую сетку создают ключевые слова, которые, с точки зрения актуального членения высказываний, являются темами. Если понятие учебного текста рассматривать более абстрактно, а именно каждую микродисциплину лингвистики как отдельный текст, то первым терминологическим конспектом в «пакете» будет совокупность наименований разделов соответствующей дисциплины.

Согласно концепции Матезиуса, тема (основа) высказывания выражает то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято, из чего исходит говорящий, а рема (ядро) – то, что говорящий сообщает об основе высказывания [9].

И поскольку научный стиль характеризуется прогрессивным, объективным, неэмфатическим порядком тема-рематических отношений, то видовые понятия по отношению к понятиям первого терминологического конспекта будут представлять собой новое – рему классификационной схемы данной области знания и т.д.

Кроме иерархических тема-рематических отношений, терминологические конспекты содержат необходимые определения терминов и классы синонимии.

Приведем здесь лишь иерархическое «дерево» терминологического конспекта раздела стилистики русского языка, который не только отражает содержательную динамику и когезию законспектированного текста, но и контактные и дистантные тема-рематические связи. Приводимый ниже конспект с очевидностью систематизирует знания в области стилистики:

различие художественной и научной прозы
функциональные различия художественной и научной прозы
разница в сфере распространения художественной и научной прозы
разные языковые средства выражения художественной и научной прозы
словарный состав научной прозы
системность терминологии в научной прозе
общенаучная лексика в научной прозе
стилистически нейтральная лексика в научной прозе
отсутствие разговорно-обиходных слов в нейтральной лексике научной прозы
особенность экспрессивно-эмоциональных средств неспециальных слов
тематическая однородность неспециальных слов
стандартные устойчивые сочетания в языке научной прозы
символические единицы в языке научной прозы

Как видно, терминологические единицы этого конспекта отличаются от единиц к конспекту научной статьи. Они представляют собой термины языка и термины речи.

Предложенная модель лекционного текста содержит в себе как вербальную, так и невербальную информацию: буквенный текст (терминологию), графику (особое расположение информации) и параграфику, выраженную дискурсами.

Очевидно, что такая форма текста выполняет не только коммуникативную, но и суггестивную функцию (в частности, дает возможность студенту преодолеть негативную апперцепцию по отношению к процессу изучения русского языка) и позволяет даже при небольшом объеме учебных часов «погрузить» студента в профессиональную картину мира и сформировать его профессиональную ментальность.

Примечания

1. Виноградов В.В. О художественной прозе М.-Л., 1930. С.82
2. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка: Учебное пособие для студентов пед.институтов. М., 1988. С. 197.
3. Лейчик В.М., Смирнов И.П., Суслова И.М. Терминология информатики: теоретические вопросы. //Информатика: Итоги науки и техники. М., 1977. Т.2. С. 42.
4. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов //Вестник МГУ. 1962, № 5. С. 56.
5. Коломенский Л.Л. Психология общения. М., 1975. С.6.
6. Смелкова З.С. Педагогическое общение: Теория и практика учебного диалога на уроках словесности. М., 1999. С.42.
7. Кобрин Р.Ю. О формальных критериях терминологичности и методологическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии //Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 175-177.
8. Арнольд И.В. Тематические слова художественного текста //Иностранный язык в школе, 1971. № 2. С. 6-11.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.23.

В.Г. Сибирцева

ГЛАГОЛ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКЕ

Функционирование глаголов в загадке отличается двунаправленностью: с одной стороны, они характеризуют предмет загадывания, с другой - семантически и синтаксически согласуются с иносказательным образом и всеми своими актантами. Однако далеко не всем глаголам свойственна двойная отнесенность, во многих случаях это зависит от степени метафоризации текста: глагол может являться составной частью развернутой метафоры, обозначая признак ведущего образа, и лишь косвенно способствовать разгадыванию; активное выполнение функции

подсказки ответа возможно в случае отсутствия называния предмета-иносказания или замещения его местоимением.

Обозначение наиболее типичной для загадок ситуации бытийности чаще всего связано с использованием глаголов со значением ‘расположение предмета в пространстве’ стоять, висеть, лежать, сидеть, реже - глагол быть и глаголы ‘зрительного восприятия’ смотреть, глядеть. Данные глаголы входят в характеристики большинства статичных предметов, явлений природы и абстрактных понятий, хотя сами предметы не характеризуют, а лишь свидетельствуют о наличии их: *Стоит рогатка, на рогатке мохнатка, в мохнатке сладко* (*орех*, 1785); *...висит котел девяносто ведер* (*месяц*, 106); *Сидит сова на корыте...* (*смерть*, 1638); *Бурая корова через прясло глядит* (*солнце*, 155); *Лежит брус во всю Русь...* (*дорога*, 2722); *Вышел на крылец, смотрит сивый жеребец* (*месяц*, 84); *Есть деревце на четыре дела...* (*береза*, 1747) и др. [1].

В отдельных случаях глаголы легко заменяют друг друга, не оказывая влияния ни на отгадку, ни на иносказательный образ. Так организованы загадки о месяце: *Выгляну в окошко*: *стоит репы лукошко* (65); *...висит лукошко* (106); о капусте и луке: *Стоит Антипка низок, на нем семьдесят семь ризок...* (2474); *Сидит Антипка низок...* (2475). Нельзя не согласиться с мнением З.М.Волоцкой о том, что данные глаголы, отличающиеся экспрессивно-стилистической нейтральностью, синонимичны в широком смысле слова, изофункциональны в аспекте обозначения ситуации бытийности [2].

Значительно реже экзистенциальная ситуация передается производными глаголами: *Красное коромысло через реку повисло* (*радуга*, 330); *А се! Я разлеглася, как бы я встала, так небо достала...* (*дорога*, 2725); *На лесной полянке красуется Татьянка* (*мухомор*, 1881). Такие глаголы, как видим, обладают высокой экспрессивностью и оригинальной семантической наполненностью.

Использование глаголов ‘перемещения в пространстве’ связано с передачей динамики происходящего, наиболее частотными являются бежать, лететь, идти: *По полю бежит сивый жеребец* (*ветер*, 224); *Летит орлица по синему небу, крылья распластала...* (*туча*, 250); *Шел долговяз, в сыру землю увяз* (*дождь*, 326). Кроме того, глаголы лететь, идти могут употребляться в загадках о неподвижных объектах или движение которых визуально не воспринимается: *От овина летит долгая Орина* (*ток*, 2314); *Мал малышок по подземелью шел* (*гриб*, 1865); *Шла девка с гор, несла на себе семь кож, а как ее раздевали, все над ней рыдали* (*лук*, 2522).

Интересным представляется тот факт, что в отгадке загадываемый предмет может меняться в зависимости от употребления глагола ‘движения’ или ‘местоположения’: *Посмотрю я в окошко: идет длинный Антошка* (*дождь*, 308); *Выгляну в окошко: лежит долгий Антошка* (*дорога*, 2701); *Выгляну в окошко: стоит долгий Антошка* (*угол дома*, 2982).

Общеупотребительные глаголы, обозначающие ‘положение и перемещение в пространстве’, могут использоваться в переносном значении. Например, в загадках о часах возникает каламбур в результате совмещения в одном употреблении прямого и метафорического значений, что оживляет стертые метафоры: *Стучит, вертится, ходит весь век, а не человек* (3584); *Что может в одно и то же время висеть и ходить, стоять и ходить, ходить и лежать, лежать и врать*? (3607) и др.

Для подчеркивания значимости характеристики загаданного предмета используется прием противопоставления глаголов ‘положения и перемещения в пространстве’, что создает парадоксальность ситуации, трансформацию семантических связей высказывания, контрастирующих с логикой “здравого смысла”: *Конь бежит, а шкура лежит* (*вода подо льдом*, 524); *Оглобли остались, а дровни помчались* (*ледоплав*, 529). Сочетание несочетаемых в обыденном сознании понятий, выражаемых глаголами, приводит к возникновению оксюморона, контекстуальной синонимии и контекстуальной антонимии. Перефразируя положение Н.В.Павловича о специфике оксюморона, о загадке можно сказать следующее: в загадке противоречие ощущается, а затем разрешается. Если оно не ощущается, то это не загадка, а если не разрешается, то это – бессмыслица [3].

Остановимся подробнее на описании явления контекстуальной синонимии глаголов, широко представленного в загадках, понимая под контекстом несколько текстов-вариантов, выделяющих один характерный признак загаданного предмета и нередко объединенных одной отгадкой.

М.А. Рыбникова, указывая на характер отражения действительности, в свое время отмечала, что в загадках все предметы “двигаются, бегут, льются, звучат” [4]. Следовательно, не случайно в загадках преобладают глаголы, рассчитанные на зрительное и слуховое восприятие. Ср. загадки о ветре и метели, в которых указанные единицы объединены общим значением ‘быстро и беспорядочно передвигаться’: *По полю рыщет,.. деревья ломает, к земле траву приклоняет* (216); *Без рук, без ног по полю скачет* (215); *Круг носа вьется, а в руки не дается* (233); *Гуляет в поле, да не конь, летает на воле, да не птица* (234); *Не человек, а пляшет* (249).

Вербальная группа ‘звучания’ отличается необычайным богатством оттенков. Одни глаголы, вызывающие ассоциации с загаданным предметом, направлены на подсказку ответа: *Шумит, гудит целый век, а не человек* (*ветер*, 221); *Фырчит, рычит, ветки ломает…* (*ветер*, 240). Другие, участвующие в описании иносказательного образа, выполняют коммуникативное задание зашифровки: *За лесом, лесом ржет кобыла с жеребеночками* (*колокол*, 5052); *Рыкнул вол на семь сел* (*колокол*, 5064); *Утушка крякнет, бережком звякнет* (колокол, 5068). Так называемые “звонкие” глаголы, мотивирующиеся звукоподражательными словами, в своем значении содержат дополнительные компоненты, которые указывают на действие, сопровождающее определенные звуки: *Каркнул ворон на сто*

городов, на тысячу озер (*гром*, 286); *Мычит вол на семь сел* (*колокол*, 5066). Глаголы ‘звучания’ в загадках о ветре, громе и колоколе отличаются наибольшим разнообразием и потому играют важную роль в создании экспрессивности. Образность глаголов нередко создается просторечной модификацией префиксальной части производных (з- вм- вз-), а также мотивирующими, имеющими диалектную окраску: *Звыли волки в осиновом колке, зревел медведь в Петропавловском* (*колокол*, 5060); *Зарембали коровы на мурманском* (*колокол*, 5057); *...сорякали кони в государевом дворе* (*колокол*, 5059); *Осередь базару бык базланит* (*колокол*, 5073).

Яркая образность является отличительной чертой загадок о сохе, бороне и серпе. В создании и поддержании экспрессивности важную роль играют производные глаголы с синонимичными приставками *пере-*, *из-*, *вз-*, *об-*, имеющие общее значение ‘тщательно, интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом, распространив на определенное расстояние’: *Рыла свинья тупорыла, полполя изрыла* (*соха*, 1977); *Зубатый крокодил все поле взбороздил* (борона, 2006); *Черная гага по полю гуляла, все поле общипала* (серп, 2113); *о-*, *вы-*, *про-*, *из-*: *Маленькая собачка все поле обежала* (*серп*, 2120); *Горбатенький дедка все поле выскакал* (*серп*, 2121); *Маленький, горбатенький, все поле проскакал* (*серп*, 2127) / *избегал* (2140).

Экспрессивность загадок о сенокосе формируется глаголами с суффиксом *-ну-*, выражающим значение однократности: взглянуть, нырнуть, прянуть, глянуть, свистнуть, двинуть/вильнуть/махнуть (хвостом), в то время как сами тексты характеризуются однотипным построением: *Щука Понюра хвостом вильнула, леса пали, горы встали* (2184).

Таким образом, в загадках широко представлена контекстуальная синонимия на морфемном и лексическом уровнях, однако в рамках одного текста синонимичных аффиксов не наблюдается. Примеры лексической внутритекстовой синонимии дают следующие загадки: *В чистом поле, на воле, стоит конь вороной, ни проехать, ни пройти, ни рукой провести* (*змея*, 624); *В темном лесу выросла метлица, не вырвать, не вытащить, пока бог не пособит* (*беременная женщина*, 1308). Повторяющиеся префиксы *про-*, *вы-* не только усиливают экспрессивность текстов, но и акцентируют невозможность совершения действия.

Исследователями жанра неоднократно отмечалось, что в основе многих загадок лежит парадоксальность, создаваемая разнообразными художественными средствами [4,5], ведущими среди которых, на наш взгляд, являются использование антонимов и введение в текст отрицания.

Глаголы-антонимы в загадках в пределах одного текста встречаются значительно чаще синонимичных единиц, при этом они нередко служат конструктивной основой текста: *Идет – живет, ляжет – умрет* (*снег*, 384); *Чего хочешь – того не купишь, чего не надо – того не продашь* (*молодость и старость*, 1618) и др.

Не менее интересны случаи использования глаголов с антонимичными префиксами: *Младший уходит, а старший приходит* (*солнце и месяц*, 130); *Летом одевается, зимой раздевается* (*лиственный лес*, 1715). В данных загадках отношения противопоставления, выражаемые глаголами, поддерживаются и антонимией слов других частей речи, что создает контрастность и неповторимость образа.

Специфика загадок позволяет говорить о существовании окказиональных антонимов, возникших на основе семантического сдвига одного из компонентов антонимичной пары, например: *Что за зверь: в зиму ест, а летом спит...* (*печь*, 2109); *Две кумушки кланяются, а вместе не сходятся* (*дверь и косяки*, 3130); *Отец не рождался, а сын уже на крыше сидит* (*огонь и дым*, 3200). Исследователи проблем лексической антонимии (Л.А.Введенская, Л.В.Измайлова и др.) полагают, что "окказиональными следует считать не только антонимичные пары, оба члена которых являются окказиональными, но и те, где окказионален один из компонентов" [6]. Как видим, оппозиции есть – спать, кланяться – сходиться, рождаться – сидеть относятся к явлению окказиональной антонимии, в отличие от оппозиций типа спать – бодрствовать, сходиться – расходиться, рождаться – умирать, где семантически и стилистически единицы представляют собой потенциально нормативные пары.

Для большинства загадок типичной является ситуация абсурда, которая направлена на подсказку ответа и указывает, что иносказательный образ не может характеризоваться теми или иными качествами, поэтому необходимо найти такой предмет, который будет обладать перечисленными свойствами. З.М.Волоцкая замечает по этому поводу, что источником семантической аномалии может быть отрицание глагола-сказуемого, субъекта действия, объекта действия, инструмента и результата действия, "причем отрицание (негация) всегда точное слово, истинное по отношению к загаданному денотату утверждение"[2].

Отрицаться могут действия, по логике вещей присущие иносказательному образу, в результате чего создается нонсенс: *В воде не тонет, в огне не горит, в земле не гниет* (*уголь*, 3367); *Не бьет, не ругает, а все от него плачут* (*лук*, 2529) и т.д.

Загадки, содержащие отрицание результата действия, демонстрируют нарушение причинно-следственных отношений. Нередко текст загадок приводится в безличной или обобщенно-личной форме: *Выпить – не выпить, вылить – не вылить* (*ручей*, 497); *Хоть весь день гоняйся за ней – не поймаешь* (*тень*, 426). Типичным является и такое построение загадок, при котором действие и его результат названы однокорневыми глаголами, при этом повторяющийся непроизводный глагол указывает на производимое действие, а производный префиксальной структуры – на его результат. Повтор глаголов и ударный гласный префикса создают четкий ритмический рисунок загадки: *Мету, мету – не выметy, несу, несу – не вынесу...*(*лучи*

солнца, 177); *Бежать, бежать – не добежать, лететь, лететь, не долететь* (*горизонт*, 1) и др. Ожидаемый, но недостижимый результат может быть выражен именем существительным в родительном падеже с отрицанием нет или ни: *Еду, еду – следу нету, режу, режу – крови нету, рублю, рублю – щепок нету* (*корабль или лодка*, 4490); *Еду, еду – ни следу, ни дороги* (*корабль или лодка*, 4491).

Нередки случаи отрицания действия с указанием на полную невозможность его выполнения, что подчеркивается местоимением никто, за которым следует формульное перечисление традиционных фольклорных образов, не способных произвести действие: *Рассыпался горох по сту дорог, никто его не соберет: ни царь, ни царица, ни красна девица, ни бела рыбица* (*звезды на небе*, 30); *Народился зверь,.. у этого зверя никто не уйдет, не уедет: ни царь в Москве, ни король в Литве, ни красна девица в высоком терему* (*блоха*, 859) и т.д.

В загадках может содержаться указание на производимое действие при отсутствии необходимого инструмента или сообщение о том, что действие совершается без участия в нем определенных частей тела человека или животного: *Сам Самсон сколотил заслон без топорища, без топора, без железного долота* (*мороз*, 342); *Без языка, а сказывает* (*верстовой столб*, 2757). Загадкам данного типа также свойственна клишированность, это отчетливо проявляется в загадках, начинающихся с формулы ‘без рук, без ног’. Нами зафиксировано 24 варианта продолжения текста с названным зачином. В некоторых загадках характеризуется один предмет с разных сторон, например, ветер: *…в подворотню ползет* (209); *…ворота отворяет* (211); *…дерево гнет* (219); в других – описываются разные предметы: *мороз* (336); *журавль у колодца* (2792); *мельница* (2833); *корзина для сена* (2967) и т.д.

Загадки, содержащие отрицание объекта действия, единичны, но оригинальны: *Еду не путем, погоняю не кнутом, швырну я не палку, поймаю не галку, щиплю я не перья, ем я не мясо* (*рыбу ловят*, 585); *Идет не мужик и не баба, несет не пирог и не сгибень, в этом пироге не творог и не рыба* (*поп*, 5007).

Небезынтересной представляется группа загадок, семантическая и ритмическая организация которых связана с тавтологическим употреблением однокорневых единиц разных грамматических классов: *Гудил, гудил гудок, да и спрятался в уголок* (*веник*, 3643); *Щеголь щеголился, под лавку завалился* (*голик*, 3669); *Ходя ходит, виса висит, виса пала, ходя съела* (*желуди* и *свиньи*, 1820). Глаголы в загадках подобного типа выступают в качестве основы иносказательного образа, мотивируя названия лиц и предметов. Традиционная для устного народного творчества избыточность образа замещения используется для усиления эмоционального воздействия и способствует четкому ритмическому построению загадки.

Осложненное глагольное сказуемое, с помощью которого передается интенсивность действия, также указывает на общность загадок с другими жанрами фольклора: *Дерну, подерну по белому полотну* (*ставень* или *волоковое окно*, 3094); *Суну, посуну в золотую посуду, там поколочу, назад поворочу* (*печь, уголья, кочерга*, 3475).

В отдельных загадках преобладает притчевое начало, в соответствии с которым текст строится с использованием церковно-славянских оборотов, в то время как язык большинства загадок разговорно-просторечный. Яркая стилистическая маркированность создается преимущественно глагольными формами: *Некто по полям хождаше, главу свою ниже плеч ношаше, и прииде некто, его заклаше, власы на огне сожже, а тело на древе повеси* (*свинья*, 1148); *Стоит мужик высокой, балахон на нем широкой, дубиною опояша, кушаком подпираша* (*горох*, 2451). Иносказательность в данных загадках поддерживается и на стилистическом уровне: выбор манеры повествования имеет своей целью ввести в заблуждение, завуалировать прозаичность отгадки [7].

Глаголы широко представлены в системе отгадок, но их употребление нельзя считать однозначным и непротиворечивым. Мы полагаем, что о ведущей роли глаголов в отгадках можно говорить в том случае, если они обозначают действие, которое подвергается метафорическим преобразованиям в иносказательном тексте. Загадок подобного типа немного, все они отличаются емкими, свежими и оригинальными образами и, как правило, не имеют вариантов: *Шурчат, бурчат, из дыры торчат* (*вода бежит из бочки*, 456); *Давно ли, давно ли снежки забелели? Есть тому годов двенадцать. Давно ли, давно ли с гор ключики побежали? Есть тому годов десяток* (*волосы старика седеют, глаза слезятся*, 1614).

В данную группу не входят загадки, связанные с ремеслами и обработкой хлеба, в которых вербальные конструкции, обозначающие процесс, могут быть заменены именными. О возможности такой замены без искажения смысла свидетельствует сопоставление текстов с глагольными и именными отгадками. Ср.: *Пришли воры, хозяев украли, а дом в окошки ушел* (*сеть, невод, ловля рыбы*, 580) - *Гроб опружили, смерть повесили, а мертвы телеса домой понесли* (*рыбу ловят неводом или острогой*, 584).

Проведенные наблюдения свидетельствуют о том, что в русской народной загадке используется широкий спектр средств выражения образности и экспрессивности: семантический контраст, контекстуальная синонимия, лексическая и префиксальная антонимия, создание ситуации абсурда.

В формировании экспрессивной маркированности заняты глаголы, имеющие просторечную модификацию префиксальной части, а также единицы, мотивирующиеся словами просторечной и диалектной окраски. Приобретению эмоционально-экспрессивной окраски способствует и совмещение в одном употреблении прямого и переносного значений слова.

Примечания

1. Загадки / Изд. подгот. В.В.Митрофанова. Л.,1968.
2. Волоцкая З.М. Заметки о функционировании глагола в загадках // Русский глагол в сопоставительном освещении. Саратов, 1984. С. 124, 126.
3. "В оксюмороне противоречие ощущается, а затем разрешается. Если оно не ощущается, то это не оксюморон, а если не разрешается, то – бессмыслица ". - Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С.34.
4. Рыбникова М.А. Загадки. М.-Л., 1932. С.14,57.
5. Лазутин С.Г. Метафора в загадках // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1977. С.36.
6. Измайлова Л.В. Окказиональные антонимы как средство создания художественной образности // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. М., 1998. Т. 2. С. 276.
7. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач./Составил Д.Садовников. М., 1959. С.271.

Т.Н. Синеокова

ПОВТОР КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ДИХОТОМИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ОРГАНИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

Как известно, "любая система классификации имеет объективную ценность лишь в том случае, если конкретное описание, которое она может обеспечить на основании имеющихся данных, позволяет осуществлять прогнозирование" [1]. Изучение достаточно формальных структурно-семантических признаков повторов в эмоциональной речи (особенностей их дистрибуции, компонентного состава, лексического наполнения и актуального членения) показало, что корреляционные связи названных классификационных групп с психологическими характеристиками говорящего прослеживаются лишь в самом общем плане [2].

Систематизация столь специфического объекта исследования как синтаксические конструкции, возникающие в речи под влиянием эмоций, предполагает создание такой классификационной основы, которая могла бы дать как собственно лингвистическое, так и психологическое объяснение причин их появления, конструктивных особенностей и специфики функционирования.

Представляется, что в качестве такой классификационной основы может служить предложенное Ю.М. Скребневым дихотомическое разбиение всей разговорной специфики по признаку соответствия экспликационной или импликационной тенденции [3]. В плане психологии речевого акта экспликация характеризуется недооценкой содержания единицы, в результате чего она заменяется либо другой единицей, либо снабжается дополнительными речевыми средствами; импликация представляет собой

переоценку содержания используемой языковой единицы, приписывание узуально несвойственного ей значения. В собственно лингвистическом смысле импликация манифестирует обогащение плана содержания единицы, являющейся под углом зрения узуса неадекватной для данных информационных целей; экспликация предполагает функциональную деградацию плана содержания языковой единицы, узуально достаточной для данных целей.

Традиционно повтор относится к экспликативным формам реализации значения. "Одним из проявлений тенденции к избыточному употреблению языковых элементов" называл повтор Ю.М. Скребнев [4]. Автор статьи также придерживался точки зрения, согласно которой экспликативная специфика повторов "определяется усилением информативной значимости элементов… за счет их повторной (многократной) номинации" [5].

Безусловно, нельзя не заметить того, что рассматриваемое явление обнаруживает сложное переплетение экспликации и импликации. Реализуемая повторами многократная номинация позволяет рассматривать данные конструкции как экспликативные. С другой стороны, в целом ряде случаев их внутреннее строение импликативно.

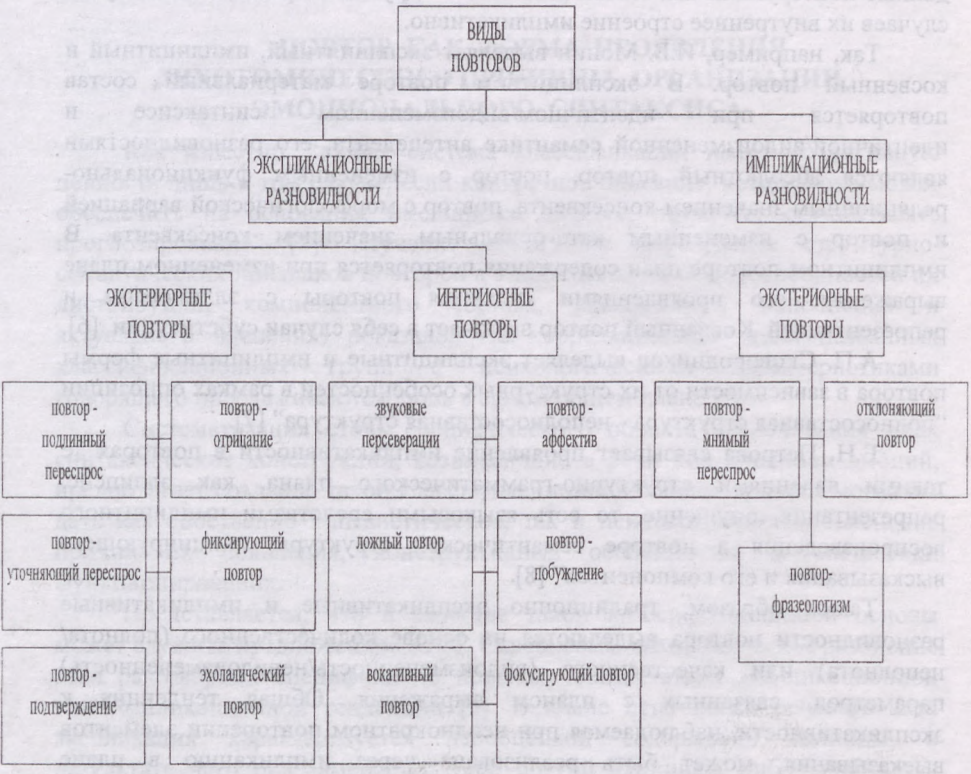
Так, например, И.Б. Монин выделяет эксплицитный, имплицитный и косвенный повтор. В эксплицитном повторе материальный состав повторяется при идентичном/видоизмененном синтаксисе и идентичной/видоизмененной семантике антецедента; его разновидностями являются абсолютный повтор, повтор с измененным функционально-реляционным значением консеквента, повтор с морфологической вариацией и повтор с измененным категориальным значением консеквента. В имплицитном повторе план содержания повторяется при измененном плане выражения; его проявлениями являются повторы с эллипсисом и репрезентацией. Косвенный повтор включает в себя случаи субституции [6].

А.П. Сковородников выделяет эксплицитные и имплицитные формы повтора в зависимости от их структурных особенностей в рамках оппозиции "полносоставная структура - неполносоставная структура" [7].

Е.Н. Петрова связывает проявление импликативности в повторах "с такими явлениями структурно-грамматического плана, как эллипсис, репрезентация, опущение, то есть языковыми средствами имплицитного воспроизведения в повторе семантической структуры инициирующего высказывания и его компонентов" [8].

Таким образом, традиционно экспликативные и импликативные разновидности повтора выделяются на основе количественного (полнота/неполнота) или качественного (видоизмененность/невидоизмененность) параметров, связанных с планом выражения. Общая тенденция к экспликативности, наблюдаемая при неоднократном повторении элементов высказывания, может быть реализована через импликацию в плане использования материальных элементов.

Следует подчеркнуть, однако, что расширенное понимание явления импликации позволяет отнести к проявлению импликационной тенденции не только структурные изменения, затрагивающие материальный, "физический" состав предложения (то есть план выражения), но и его новые грамматические значения, несвойственные нейтральной области языка (то есть план содержания). Такой подход позволил Ю.М. Скребневу отнести к импликационным формам построения предложений такую разновидность повтора, как отклоняющий повтор реплики-стимула [9]. Анализ материала позволил расширить круг рассматриваемых явлений и выявить новые классификационные группы повторов, отражающие экспликационную и импликационную тенденции в реализации эмоционального значения (см. приведенную схему). Отнесение повторов к экспликативным средствам языка основано на функциональной эмфатизации элементов высказывания за счет их повторения; отнесение их к импликативным средствам языка основано на транспозиции грамматического значения повторяемых элементов, см. схему:

Рассмотрим импликационные разновидности экстериорного повтора - повтор - мнимый переспрос, отклоняющий повтор и повтор фразеологического характера.

Повтор - мнимый переспрос утрачивает свойственное нейтральной сфере языка значение запроса информации. Если появление повтора - подлинного переспроса (1) или повтора - уточняющего переспроса (2) вызвано неполным пониманием услышанного вопроса или желанием выиграть время для ответа, то повтор - мнимый переспрос (3), сопровождающийся дополнительным высказыванием, транспонирует свое грамматическое значение и является эмоциональной реакцией на задаваемый собеседником вопрос. Переосмысление синтаксического значения вопросительного предложения в ряде случаев находит свое выражение в интонационном оформлении высказывания как восклицательного (4).

(1) Dame Hatherleigh (a little impatiently) Not that digging! We must dig for the Ark!
Feelim (astounded) Th' Ark? (O'Casey)

(2) Michael (warningly). Hush! Don't speak so loud, or th' lesser boyo'll hear you!
Sergeant (startled). Lesse boyo? What lesser boyo? (O'Casey,)

(3) Sara (to the children). What would you like for breakfast?
Babetter (surprised). What would we like? Why, Mama, we will have anything that can be spared. (Hellman)

(4) Willy: Then why'd you go?
Biff: Why did I go? Why did I go! Look at you! Look at what's become of you! (Miller)

Сказанное выше позволяет отнести данную разновидность повтора к импликационным формам выражения содержания высказывания [10].

Отклоняющие повторы и повторы фразеологического характера отражают негативное отношение говорящего к предмету речи и передают спектр эмоциональных значений от легкой иронии до ярости.

В случае отклоняющего повтора воспроизводимая реплика или часть реплики собеседника с помощью соответствующего интонационного оформления приобретает новое значение и выражает отрицание истинности или уместности сказанного:

Harry (shouting): Tell your mother to stop it, she's the cause, it's her row. Don't you know your mother by now? (He has moved away to the door.)
Sarah: I'm the cause? Me? You hear him, Ada, you hear him? I'm the cause! (Wesker)

Нередко сопутствующими характеристиками отклоняющего повтора являются предваряющие его формулы косвенного отрицания What do you mean; Why need you think; Do you remember who you are talking to; Do you hear; What do I care; I'll show you и др. :

Angela (facing him fiercely). You stand there mustering up moans for yourself, and never once realise that you've ruined me! Yes, ruined me!
Mulligan (startled). Oh, God, d'ye hear her! Ruined you? (O'Casey)

Повторы фразеологического характера представлены ограниченным набором клишированных синтаксических структур, начинающихся с Like hell; The hell; To hell with и т.п.:

Nina (quietly) You can't do that to Sam.
Darrell (savagely) Like hell I can't! (O'Neill)

Как и экспликационные разновидности повторов, транспонированные по грамматическому значению импликационные формы в материальном плане также могут иметь экспликативный и импликативный характер.

Поскольку повторы являются наиболее употребительной формой выражения эмоционального значения, дальнейшее изучение их классификационных групп с выявлением экспликационных и импликационных модификаций обоих планов - плана выражения и плана содержания, - позволит определить связи между особенностями психического состояния говорящего и структурными характеристиками его речи.

Примечания

1. Бейли Н. Математика в медицине и биологии. М., 1970. С. 154.
2. Результаты исследования приведены в статье О.А. Кузнецовой и Т.Н. Синеоковой "Корреляционные связи между структурно-семантическими разновидностями повторов и особенностями их актуального членения в эмоционально окрашенной речи (на материале русского и английского языков)" в настоящем сборнике.
3. Скребнев Ю.М. К вопросу об "ортологии"// Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 140-142.
4. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 160.
5. Синеокова Т.Н. Экспликационная специфика английских коллоквиальных конструкций, реализуемых в состоянии аффекта. Дис. … канд. филол. наук. Горький, 1989. С. 79.
6. Монин И.Б. Гипотаксис и паратаксис как способы связи смежных цельных предложений в современном английском языке: Дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1976.
7. Сковородников А.П. Об одном виде повторной номинации со стилистической значимостью// Синтаксис текста. М., 1979. С. 182-197.
8. Петрова Е.Н. Повтор в английском диалогическом тексте: (Ономасиологический аспект речепорождения) : Дис. . . канд. филол. наук, Иркутск, 1996. С. 52.
9. Скребнев Ю.М. Указ. соч. С.179 - 180.
10. Ср. с точкой зрения Ю.М. Скребнева, рассматривающего данные структурные формы как проявление экспликационной тенденции: Скребнев Ю.М. Указ. соч. С. 158.

Н.П. Сметанина

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ГЛАГОЛ **rekti* И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВОДНЫЕ (лингвистический очерк)

"...Вскрывая прошлое слова, мы тем самым открываем для себя в нем и то, что принадлежит ему как определенной лексической единице также и сегодня, точнее и вернее понимая его семантику, полнее представляя себе его место в языковом "обществе", сознательно усваивая его орфографическое обличье, глубже проникая, наконец, в его художественно-выразительные возможности и образную суть."[1] Это высказывание, принадлежащее автору многих широко известных этимологических исследований, представляется вдвойне справедливым, если историческое прошлое современного слова оказывается вплетенным в сознании человека в общую историю целой группы генеалогически родственных лексических единиц языка.

Системное историческое представление того или иного фрагмента действующей лексической системы языка важно, в первую очередь, для нужд обучения родному языку. В этом аспекте на первый план выходит задача практической направленности научного описания, проявляющая себя как в расстановке акцентов при анализе материала, так и в выборе стиля предъявления.

Предлагаемая статья представляет собой лингвистический очерк, описывающий группу слов русского языка, в структуре которых прослеживается общий праславянский корень **rêkъ*. В работе использованы элементы различных видов лингвистического анализа - этимологического, морфемного, семантического (компонентного) и др. Вместе с тем, в соответствии с лингводидактической направленностью описания, основной акцент делается на установлении генеалогической общности семантики выбранных лексических единиц и выяснении возможных путей развития их современного значения. Материал очерка может быть применен в учебных целях учителями-словесниками, студентами филологических и лингвистических факультетов, а также учащимися старших классов школ и лицеев с углубленным изучением языковых дисциплин.

Индоевропейская по происхождению основа *ры* носит звукоподражательный характер. В общеславянском языке она, присоединив к себе суффиксы *-дъ, -гъ* и *-къ*, превратилась соответственно в основы *рыдъ, рыгъ* и *рыкъ*, каждая из которых отражала свой собственный звуковой образ. Эти образы до сих пор хранятся в семантике дошедших до нас производных: ***рыдать*** ("громко плакать, судорожно всхлипывая") и ***навзрыд*** ("плакать громко, судорожно"), ***рыгать*** ("издавать громкий звук при отрыжке") и

отрыжка ("вывод газов из желудка"), ***рыкать, рычать*** ("издавать резкие громкие звуки") и ***рык, рычание*** ("дикий грозный рёв /о животных /").

В дальнейшем, подчиняясь закономерностям развития языка, основа *ры* поменяла входящий в её состав гласный. В результате на разных ступенях исторического чередования разными способами были образованы общеславянское слово ***ручей*** ("небольшой естественный водный поток" - первоначальное значение "шумящий поток") и восточно-славянские ***рокот, рокотание*** ("дробные раскатистые звуки, сливающиеся в монотонное звучание"), ***рокотать*** ("1. издавать, производить рокот; 2. говорить, петь низким раскатистым голосом").

В несколько ином направлении пошло в общеславянском языке развитие семантики другого фонетического варианта той же индоевропейской основы - корня **rêkь*. Он стал служить для обозначения членораздельных звуков, произносимых человеком, т.е. речи. Пройдя свой путь исторических изменений, этот корень оставил в языке целый ряд слов, так или иначе связанных своим первоначальным значением.

Среди них, конечно, центральное место занимает существительное ***речь*** во всех его значениях: "1) способность говорить, выражать словами мысль; 2) язык как средство общения между людьми; 3) тот или иной вид, стиль языка, слог; 4) язык, свойственный кому-л., манера говорить, выговор; 5) слова, разговор, то, что говорят; 6) публичное словесное выступление". (Добавим, что в старославянском и древнерусском языках существительное речь имело и терминологическое значение - "глагол". Именно в этом значении оно было использовано в старославянском языке при калькировании греческого *epirrema* / *epi* - на, *rema* - глагол / - "наречие".)

Общеславянское *речь* когда-то было образовано с помощью темы *-ь* и чередования *е / ѣ (из ê)* от утраченного глагола **rekti* - "говорить". В современном языке остались его приставочные производные, употребляющиеся преимущественно в книжной речи: ***изречь /изрекать*** ("произнести, высказать, провозгласить // ирон. сказать авторитетно, не допуская возражений"), ***предречь / предрекать*** ("заранее высказать мнение, соображение о том, что произойдёт с кем-, чем-л. в будущем; предсказать"), ***наречь / нарекать*** ("назвать, дать имя кому-л. // высок. назвать, объявить кем-, чем-л.").

У слов ***изречь/изрекать*** и ***наречь/нарекать***, в свою очередь, есть и активно употребляющиеся словообразовательные потомки. Так, основа глагола *изрекать* в старославянском языке была использована при калькировании греч. *paroimia* - "поговорка, пословица, притча". Появившееся при этом существительное ***изречение*** (от *изрешти* с пом. суффикса *-ение*) впоследствии было заимствовано русским языком, где оно и сейчас сохраняет то же значение - "глубокая мысль, суждение, выраженные кратко и ярко, афоризм".

Гораздо более многочисленна и семантически неоднородна генеалогическая ветвь глагола *нарекать*.

Во-первых, в том же старославянском от свойственного этому языку фонетического варианта основы этого глагола появилось прилагательное ***нарицательный***. Первоначально оно входило в состав грамматического термина *имя нарицательное* и являлось словообразовательной калькой лат. *appelativym (nomen)*, которое в свою очередь калькировало греч. *prosêgorikon (onoma)*. Сегодня это прилагательное используется не только как терминологически связанное, но и в значении "имя, название, употребляющееся как воплощение каких-л. определённых свойств, качеств и т.д.".

Во-вторых, глагол нарекать произвёл на свет страдательное причастие ***наречённый*** (буквально - "названный, получивший имя"), которое с течением времени утратило свою принадлежность к морфологическому классу глаголов и используется сегодня либо в роли прилагательного со значением "официально объявленный таковым, названный", либо в качестве существительного: наречённый - "жених", наречённая - "невеста".

Наконец, в-третьих, у глагола *нарекать* со временем развилось дополнительное значение: "наговаривать, обвинять кого-л, порицать, укорять в чём-л.". В этом значении он был использован для образования существительного ***нарекание*** - "упрёк, порицание, обвинение".

Но и это ещё не всё. В древнерусском языке от рассматриваемого глагола посредством темы -ъ и перегласовки было произведено утраченное ныне существительное *нарокъ* - "звание, имя". Впоследствии это слово приобрело и второе значение - "намерение, цель". Логика переноса очевидна: намерение - это сформулированный замысел, желание, которое облечено в слова, названо.

Вероятно, переносное значение слова оказалось более актуальным для языка, и дошедшие до нас однокоренные наречия ***нарочно*** ("с целью, с определённым намерением"), ***ненароком*** ("невзначай, случайно"), ***понарошку*** ("не на самом деле, не всерьёз") несут в себе именно эту, вторичную семантику производящего слова. Даже прилагательное ***нарочитый,*** которое в древнерусском языке значило "известный, именитый", под влиянием этой семантики приобрело значение "умышленный, подчёркнутый; показной".

Помимо названных приставочных производных (изрекать, предрекать, нарекать) и их дериватов, к праславянскому глаголу **rekti* восходят и другие глагольные единицы современного языка, например, общеславянские по происхождению ***отречься/отрекаться, перекаться*** и ***заречься/зарекаться.***

Глагол ***отречься / отрекаться*** ("не признавать своим, совершённым самим, себе принадлежащим") представляет собой возвратную форму к *отречь/отреку (<*otrekti)*, где приставка *от-* имеет утраченное ныне

значение "не" (ср. отказать, отвергнуть), а постфикс *-ся* использован как собственно возвратный Таким образом, семантика этого слова буквально складывается из семантики составляющих его морфем.

Интересно, что невозвратный производящий глагол *отречь / отреку* позднее перешёл в старославянский язык, где в результате перегласовки и третьего смягчения заднеязычных поменял свой фонетический облик на *отрицати* - современное ***отрицать***. В таком виде он и был заимствован русским языком, где семантическим ядром двух его значений ("1. опровергать что-л, не соглашаться с чем-л.; 2. выступать противником чего-л., не признавать необходимости, ценности чего-л., отвергать"), равно как и значений всех его производных - ***отрицание, отрицательный*** и др. является первоначальное "говорить нет".

Семантика глагола ***пререкаться*** также соотносима с его словообразовательной структурой. Приставка *пре- (пере-)* в сочетании с возвратной частицей *-ся* обычно указывает на взаимность действия, обозначенного корневой морфемой. Таким образом, пререкаться буквально значит "переговариваться". Отсюда недалеко и до современного значения слова - "спорить, препираться".

Не так просто обстоит дело с глаголом ***заречься / зарекаться***. Возможно, при образовании исходной невозвратной основы приставка *за-* была использована в значении конечности, результативности действия, тогда приставочный глагол ***заречь/зарекать*** первоначально мог означать "сказать окончательно, произнести последнее слово". В дальнейшем этот глагол стали использовать в значении "приказывать, строго запрещать кому-л. что-л." (ср. устар. глагол *заказать* в значении "запретить"), а присоединившийся к нему постфикс *ся-* повернул называемое глаголом действие на его субъект - "запрещать себе". Теперь глагол *зарекаться* имеет значение "дать зарок, обещание не делать чего-л. впредь". Заметим, кстати, что используемое в дефиниции существительное ***зарок*** ("клятва, обет, обещание не делать чего-л") - единственный ближайший родственник определяемого глагола: остальные производные утраченного ***заречь/зарекать*** также ушли из языка.

Вместе с тем, общее лексическое наследство рассматриваемой праславянской основы столь велико, что мы без труда отыщем его другие, пусть и не столь прямые генеалогические связи. Возьмём, к примеру, слова ***порицать, порочить, порок.***

Глагол ***порицать*** ("высказывать кому-л. порицание, осуждать за что-л.") заимствован из старославянского языка, где он являлся префиксальным производным от несохранившегося *рицати* (ср. др.-р. *рикати* - "бранить") - итератива к *рести* - "говорить" *(<*rekti)*. Свидетельством его происхождения служит материальная форма, сохраняющая следы фонетических преобразований, свойственных старославянскому языку (см. отрицать). В том же старославянском от этого

глагола путём перегласовки и темы -ъ было образовано существительное ***порок***, значение которого ("порицание, осуждение") соответствовало значению исходного глагола. Это слово также было заимствовано русским языком.

Став единицей русской лексики, глагол *порицать* практически не изменил своего значения. Он просто постепенно вытеснил из употребления свою восточно-славянскую копию - глагол *порекати / порещти*. Соответственно произошла и замена производных: страдательное *порекаться* превратилось в ***порицаться,*** порекание и поречение ("осуждение") - в ***порицание***, порекатель ("тот, кто осуждает") - в ***порицатель***.

Несколько иначе обстояло дело с существительным *порок*. Развитие его значение пошло по типу метонимического переноса "действие - объект этого действия", в результате чего слово стало обозначать не само осуждение, а то, что осуждается: недостойное поведение, нравственный недостаток или физический изъян человека. Эту семантику несут в себе и его производные - прилагательное ***порочный*** ("1. подверженный пороку, безнравственный; 2. неправильный, заслуживающий осуждения") и образованные от него существительное ***порочность*** и наречие ***порочно***.

В отличие от них однокоренной глагол ***порочить*** в своём первом значении всё ещё сохраняет смысловую связь с общеславянской основой-прародительницей. Ядром его лексического значения остаётся семантический признак "говорить о недостатках, осуждать", однако теперь к нему добавились и дополнительные оттенки: словом *порочить*, как правило, обозначают не просто осуждение, а осуждение с конкретной целью - "выставить человека в неблагодарном свете, очернить". Этот же глагол во втором значении используется не в связи с речевым действием человека, а применительно к его неблаговидному поступку, который навлекает осуждение других.

Гораздо более существенным семантическим изменениям подверглись другие лексические единицы языка, имеющие исторический корень *rekъ* - существительные ***пророк, отрок, оброк, рок, срок, урок***. В этом ряду только слово ***пророк*** (старославянская калька греч. *prophêtes*, образованная перегласовкой *o/e* и темой -ъ от *прорещти (<*prorekti)* - "сказать, изречь") сохранило в своей семантической структуре сему "говорение": пророк - это "1. провозвестник и истолкователь воли бога; 2. предсказатель будущего". Современные значения остальных существительных сейчас уже никак не связаны с семантикой исходной праславянской основы. Тем не менее изначально такая связь существовала.

Возьмём, к примеру, общеславянское по происхождению существительное ***отрок***. Оно было образовано с помощью уже знакомого нам отрицательного префикса *от-* (= не) от *рок* - "говорящий", производного посредством темы -ъ и перегласовки *o/e* от **rekti*. Отрок - буквально значило

"неговорящий, не имеющий права говорить на вече". Такого права были лишены несовершеннолетние и люди, имеющие низкий социальный статус, поэтому в славянских языках развитие словесной семантики пошло именно в этих двух направлениях: ср. словен. *otrok* - "дитя", болг. *отрок* - мальчик, укр. *отрік* - работник, др.-р. *отрокъ* - слуга, работник. В русском языке слово соединило в себе обе семантические линии: на Руси отроком называли и ребёнка от 7 до 15 лет, и человека, занимающего подчинённое положение - царскую и княжескую прислугу, а также слуг и работников вообще.

В наше время слово *отрок* относится к числу устаревшей лексики и используется в основном в первом значении: "мальчик-подросток в возрасте между ребёнком и юношей". Это значение, несмотря на малую употребительность слова, хорошо осознаётся носителями языка благодаря наличию в русской лексике однокоренных производных ***отрочество, отроческий***. Второе значение - "член младшей дружины князя в древней Руси" - также фиксируется в лексикографической литературе, однако сегодня оно имеет терминологический характер и известно лишь специалистам-историкам.

Наименованием исчезнувшей исторической реалии является и существительное ***оброк***. Несмотря на отсутствие обозначаемого им явления, слово по-прежнему сохраняется в литературном языке. Его значение мы узнаём на школьных уроках истории: оброк - "натуральный или денежный сбор, взимавшийся при крепостном праве с крестьян помещиком".

Хотя в семантике этой лексической единицы присутствует конкретная хронологическая отнесённость, само слово появилось в языке отнюдь не во времена крепостничества. Оброк - общеславянское существительное, которое было образовано с помощью перегласовки и темы -ъ от префиксального глагола *обречь (<*obrekti)*. Обречь - буквально значило "обговорить что-то, договориться о чём-либо", соответственно первоначальное значение существительного - "договор, соглашение", а уже затем - "то, о чем договорились, предмет соглашения". Интересно, что ещё в девятнадцатом веке, когда это слово не относилось к числу историзмов, оброком называли весьма различные виды выплат, установленные путём соглашения сторон, например, арендную плату за землю или пользование чужим имуществом, личную, подушную или тягловую подать и даже жалованье, получаемое работником за службу.

Заметим попутно, что современный язык сохранил не только производное существительное оброк, но и производящий глагол ***обречь / обрести***. Сегодня, правда, мы не соотносим его значение ("предназначить к какой-либо неизбежной участи /обычно тяжёлой/) с первоначальным "обговорить, договориться". Скорее оно ассоциируется у нас со значением другого глагола с корнем *говор-* - приговорить ("вынести кому-л. приговор, назначить кому-л. какое-л. наказание"). Поскольку устаревшее значение глагола *приговорить* ("решить, постановить") также сходно с древним

значением глагола *обречь*, то вполне возможно предположить, что развитие семантики обеих лексических единиц шло в аналогичном направлении - через расширение смысловой структуры слова за счёт включения в неё смежных семантических компонентов: "принять решение (договориться) - кем? о чём?". Думается также, что формирование семантики интересующего нас глагола происходило не без влияния христианской культуры, ибо книжный по употреблению глагол ***обречь/обрекать*** долгое время пребывал в церковно-славянском языке, где, возможно, и были актуализированы семы "тяжёлая участь, мучения" и "неизбежность, фатальность".

Эти же семы присутствуют в современных значениях праславянского существительного ***рок*** /образовано с помощью темы -ъ и перегласовки *от *rekti/* ("судьба, обычно злая, грозящая бедами, несчастьями и т.д.") и производного от него прилагательного ***роковой*** ("1. предопределённый, по суеверным представлениям, роком, неотвратимый, неизбежный// гибельный, смертельный// заключающий в себе, несущий горе, страдание// являющийся причиной несчастий, бедствий, гибели; 2. решающий, предопределяющий судьбу кого-, чего-л."). Оба слова связываются в нашем сознании с действиями неких высших сил, которые определяют событийную канву жизни человека, как бы "приговаривают" его к тем или иным испытаниям.

В древнерусском языке существительное *рок* имело также и второе значение - "срок, год, возраст" (ср. укр. *рік* - "год", сербохорв. *рок* - "срок, время", чеш., слвц. *rok* - "год "). В русском языке это значение было утрачено, возможно, из-за наличия однокоренного семантического эквивалента - существительного ***срок***.

Существительное *срок* было образовано с помощью перегласовки и темы -ъ от глагола **sъrekti* (" сговориться, согласовать") - приставочного производного от **rekti*. Подобно существительным *порок* и *оброк*, слово прошло путь метонимического переноса и со временем стало обозначать не действие по глаголу **sъrekti* (соглашение), а его объект - предмет соглашения, в данном случае *время* (ср. др.-р. фразеологизм - съречи сърок - "условиться о времени, назначить время").

Вероятно, подобной была сначала и логика начального семантического развития последнего в ряду рассматриваемых нами существительных - слова ***урок***.

Эта лексическая единица появилась в праславянском языке от несохранившегося *уречи (<*urekti)*, являющегося производным с префиксом *у-* в значении усиления от *речи* - "говорить". Первоначально слово *урок* также обозначало действие, называемое производящим глаголом. Доказательством этому являются, например, семантика польского существительного *urok* ("договор, нечто установленное") и устаревшее значение современного прилагательного ***урочный*** ("установленный по условию, по уроку"). Далее произошло уже знакомое нам метонимическое смещение в сторону объекта действия и существительное *урок* после

некоторых семантических колебаний (ср. др.-р. *урокъ* - "условие, завершение, сделка, правило, платёж, налог") получило значение "работа, заданная на определённый срок". Впоследствии характер работы конкретизировался - "учебная работа, работа для обучения", и семантика существительного продолжила своё развитие уже с учётом нового компонента.

Сегодня лексема *урок*, помимо вышеназванного устаревшего, имеет ещё четыре значения: "1. учебная работа, задание, которое даётся ученику для приготовления к следующему занятию; 2. учебная работа, занятие по какому-л. предмету, а также отведённое для него время; 3. то, из чего можно сделать выводы, извлечь что-л. поучительное на будущее// вывод, знания, полезные на будущее; 4. перен., устар. поучение, наставление// разг., устар. наказание".

Нетрудно заметить, что все эти значения содержат общую сему "обучение", а второе и третье по-прежнему хранят в своей структуре и семантические признаки "работа" и "время". Историческими хранителями последней выступают в современном языке также глагол ***приурочить*** ("сделать что-л. совпадающим с чем-л. по времени, по сроку") и прилагательное ***неурочный*** (в значении "неподходящий, необычный /о времени/").

Примечания

1. Шанский Н.М. В мире слов: Кн. для учителя. М., 1985. С. 249.

О.В. Черian

СТРУКТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ГНЕЗДА ЗООФИТОМОРФИЗМОВ

Большинство арготических зоофитоморфизмов являются дериватами разных типов, совокупность которых представляет структурно-генетическое гнездо. Структурно-генетическое гнездо представляет собой систему, элементы которой объединены на основе общих сем и общих морфем. Элементы зоофитоморфизмов широко используются в арго для образования новых слов. Поэтому практически каждый зоофитоморфизм входит в более или менее развитое структурно-генетическое гнездо.

Как правило, объемные структурно-генетические гнезда имеют зоофитоморфизмы, которые образовались от зоофитосемизмов, представляющих собой названия животных и растений, распространенных в средней полосе России, свойства которых хорошо известны носителям русского языка. И напротив, зоофитоморфизмы, образованные от зоофитосемизмов, обозначающих экзотических или малоизвестных животных и растений, не имеют производных (*аллигатор* – «опасный

преступник», *антилопа* – «худенькая девушка», *верблюд* – «рослый заключенный-азиат», *гиена* – «женщина-политработник в женском ИТУ», *гидра* – «вор-рецидивист», *зубр* – «авторитетный заключенный», *камелия* – «красивая женщина легкого поведения», *макака* – «низкорослая проститутка», *мимоза* – «японец», *пальма* – «верхние нары» и др.).

Структурно-генетическое гнездо неоднородно. Оно может состоять из дериватов, объединенных общей мотивирующей семой. При этом наблюдается сквозной характер сем. Примером является гнездо, образованное на базе фитоморфизма *липа* – 1. «фальшивый документ», 2. «чужой документ», 3. «подделка»: *липа ветреная* – «документ, не пригодный для предъявления в полицейский участок», *липа железная* – «отлично подделанный паспорт», *липач* – 1. «подделыватель документов», 2. «фальшивомонетчик», *липачить* – 1. «подделывать документы», 2. «заниматься фальшивомонетчеством», *липка1* – то же, что *липа*, *липка2* – «очко на игральной карте, которое можно при надобности легко удалить», *липняк1* – 1. «деньги», 2. «кредит», *липняк2* – 1. то же, что *липа*. 2. «обман», *липняк3* – «бумажки», *липовать1* – 1. «лгать», 2. «совершать обман при помощи поддельных вещей», 3. «подделывать что-либо», *липовая сара* – «фальшивые деньги», *липовая сарга* – то же, что *липовая сара*, *липовые очки* – «поддельный паспорт», *липовый глазок* – «поддельный паспорт», *липовый куклим* – «фальшивый чужой паспорт», *пройти на липу* – «выдать себя за другого человека», *липонуть2* – «обворовать», *липотной2* – 1. «лгун», 2. «мошенник, совершающий обман при помощи поддельных вещей», *липу напеть* – «налгать», *липуха* – «поддельная вещь».

Таким образом, мы насчитали 20 дериватов фитоморфизма *липа*, в лексическом значении которых присутствует семантический компонент «фальшивый». Сочетаясь с различными гиперсемами, признак «фальшивый» определяет место слова в системе зоофитоморфизмов. При этом мы получаем наиболее полное представление о сущности самого явления, и можем судить о том, насколько значимым оно является для характеристики преступной среды.

Структурно-генетическое гнездо содержит информацию о системе взаимоотношений, социально закрепленных в том или ином языковом коллективе, в частности, в среде деклассированных элементов. Например, рассмотрим структурно-генетическое гнездо, образованное на базе зооморфизма *крыса* - 1. «заключенный, совершающий кражи у сокамерников», 2. «осужденный, тайком съедающий полученные от родственников продукты», 3. «человек, не оправдавший доверия преступников»:

1) *крысу мазать* – «бить предателя, осведомителя, вора, который крадёт у сокамерников»,

2) *крыска* – 1. «заключенный, совершающий кражи у сокамерников», 2. «школьник, ворующий деньги в классах и гардеробах»,

3) *крысятник* – 1. «мелкий вор», 2. «человек, ворующий деньги небольшими суммами из сумок и одежды сослуживцев»,

4) *крысятница* – женск. к *крысятник*,

5) *крысятничать* – «воровать у своих»,

6) *крысятничество* – «воровство у своего товарища».

Лексическое значение данных зоофитоморфизмов объединяется по признаку «воровство у своих». Оно является ключевым в семантике производных. Другие семантические компоненты дополняют его, давая более полное представление о данном явлении в целом. Так, в значении фразеологизма *крысу мазать* - «бить предателя, осведомителя, вора, который крадёт у сокамерников» осужденный, ворующий у своих, приравнивается к предателям и осведомителям, что свидетельствует о высшей степени презрения со стороны преступников. Об отрицательном отношении к подобному явлению в преступной среде также свидетельствует следующий контекст:

Он никогда не стал бы красть деньги у своего товарища, справедливо называл такой поступок ***«крысятничеством»****, но зато без всякого смущения мог вытянуть кошелёк у зазевавшейся старухи. Всякий, кто проявлял корысть и запускал руку в общак, объявлялся еретиком и подлежал немедленному истреблению.* ***«Крысятничество»*** *каралось всегда очень сурово* [1].

Рассмотрим также структурно-генетическое гнездо с зооморфизмом *жук*. Данный зооморфизм имеет широкую номинативную основу *жук* – 1. «вор», 2. «мошенник», 3. «хитрый преступник», 4. «профессиональный преступник, компаньон «цеховика»*, вкладывающий в его производство свои средства, обеспечивающий бизнесменов охраной, контрразведкой, а также сбытом и контролем продукции», 5. «телохранитель шулеров, параллельно занимающийся финансовыми операциями (скупкой долгов, ростовщичеством)», 6. «опытный человек, много знающий о преступном мире», 7. «мелкий воришка».

В целом зооморфизм *жук* можно рассматривать как семантически наиболее обобщающий образ профессионального преступника. Поэтому система производных достаточно развита и практически все значения отражены в ней.

- *жуки-куки* – «профессиональные преступники»;

В данном зооморфизме развивается значение «профессиональный преступник», которое 1) приобретает эмоциональную оценку за счет редупликации, 2) конкретизируется по признаку принадлежности к классу, группе, что позволяет деклассированным элементам противопоставить себя как класс окружающему миру. См. пример употребления:

---

* цеховик – «делец теневой экономики» [3].

*Все люди по философии блатарей делятся на две части. Одна часть – это «люди», «жульё», «преступный мир», «урки», «уркаганы», «блатари», **«жуки-куки»** и т.п. Другая часть – «фрайера», то есть вольные* [2].

• *жучок* – 1. «профессиональный вор», 2. «изворотливый преступник», 3. «вор-карманник», 4. «несовершеннолетний вор», 5. «молодой хулиган», 6. «посредник при даче взятки», 7. «мелкий фарцовщик», 8. «спекулянт»;

В семантическую структуру рассматриваемого зооморфизма переходят следующие гипосемы из структуры зооморфизма *жук*:

«преступник» - 2-е значение,

«вор» – 1-ое, 3-е, 4-ое значения,

«посредник» - 6-ое значение,

«ростовщичество» – развивается в значениях 7, 8;

• *жука1* – «воровка»;

• *жучка* – 1. «воровка; профессиональная воровка», 2. «мелкая воровка», 3. «несовершеннолетняя воровка», 4. «преступница, лишённая доверия уголовной среды», 5. «молодая неопытная проститутка», 6. «продажная женщина», 7. «сожительница вора», 8. «суетливая и склочная женщина». В данном зооморфизме значимой оказывается дифференциация по половому признаку. В семантике отражается отношение к женщине в преступной среде, что определяет развитие семантической структуры слова в целом. Наши наблюдения подтверждают мысль М.А. Грачева, что «женщина воспринимается как объект презрения и насмешек», «как существо, которое может навредить им (преступникам)» [3]. Для преступников нет четкой грани между таким понятиями, как жена, любовница, проститутка, воровка, предательница.

• *жуковатый* – 1. «знакомый с обычаями и привычками профессиональных преступников», 2. «хитрый»

• *жукать* – 1. «воровать», 2. «изготовлять поддельные документы», 3. «употреблять алкогольные напитки»

• *жук(х)нуть* – 1. «забрать что-л.», 2. «украсть», 3. «спрятать», 4. «обмануть при дележе воровской добычи»,

• *жука2* – «поддельный документ»,

• *жукалить* – «воровать»,

• *жуковать* – «воровать»,

• *жучить1* – 1. «воровать из карманов», 2. «доносить на кого-либо», 3. «избивать кого-либо», 4. «совершать половой акт»,

• *жучковать* - 1. «проявлять воровские повадки», 2. «делать первые шаги в воровской жизни (о несовершеннолетнем)», 3. «воровать».

Таким образом, зооморфизмы, входящие в данное структурно-генетическое гнездо, дают определенное представление о деклассированных

элементах, характеризуют модель поведения преступников, их образ жизни и мировоззрение.

Зооморфизм *жук* также входит состав фразеологизмов:

- *жук навозный1* – «сотрудник правоохранительных органов» (от «копает»),
- *жук погостный* – «работник кладбища, вымогающий взятки».

Можно заметить, что в сочетании со словами, которые отражают оценочные понятия («навозный», «погостный» по отношению к человеку имеют отрицательную оценку), оценка, содержащаяся в прагматическом значении зооморфизма *жук* («преступник») переключается с положительной на отрицательную. Это влияет на когнитивное содержание фразеологизма в целом, который обозначает понятие, вызывающее у преступников отрицательное отношение. В данном случае – «сотрудник правоохранительных органов» или «вымогатель, взяточник». (Ср. также *волк* – «преступник» и *волк позорный* – «сотрудник правоохранительных органов»).

Таким образом, выявление связей между производными в структурно-генетическом гнезде не сводится к механическому переносу и сложению семантических компонентов. Во многом они (связи) имеют ассоциативный характер, что в свою очередь позволяет накапливать как можно больше значений в зоофитоморфизме и переносить их в семантические структуры производных лексем. Референционные рамки многозначного арготического зоофитоморфизма размыты, могут включать в себя достаточно большое количество значений в пределах основного понятия, закрепленного за данным словом, что свидетельствует об открытом характере системы зоофитоморфизмов.

Примечания

1. Сухов Е. Я – вор в законе: На зоне. М., 1998.
2. Шаламов В. Левый берег: Рассказы. М., 1989.
3. Грачев М.А. Русское арго. Монография. Нижний Новгород, 1997.

Т.В. Чумакова

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ НЕИЗБЕЖНОСТИ И ИХ СИНОНИМИКА

Проблема синтаксической синонимии занимает важное место в теории синтаксиса, т.к. предполагает анализ языковых единиц в таких ключевых аспектах, как форма и содержание, модальность и синтаксическая парадигма, инвариантность и синкретизм и других.

В статье рассматриваются синонимические связи формально односоставных (однокомпонентных) и семантически двучленных инфинитивных предложений (ИП) с модальным значением неизбежности.

Ощепризнанным свойством ИП в плане содержания является усложненность модальной перспективы, обусловленная обязательностью предикатно-модальных значений. В плане выражения ИП относятся к "периферии синтаксических полей" предложений, [1] т.к. характеризуются интонационно-конструктивным способом оформления значений, предопределяющим их имплицитность, синкретичность, неясность. Выявление синонимических связей с другими предложениями позволяет эксплицировать семантику ИП.

Неизбежность является одной из семантических разновидностей модальности необходимости. В чем заключаются различия между ними? Если необходимость - это объективно существующая и внутренне осознанная связь явлений действительности, то неизбежность - это "объективно должная, но причинно не осознанная связь явлений" [2]. В предложениях типа "Быть бычку на веревочке" выражается неизбежное действие, но при этом не ясно, необходимо оно или нет.

В "Русской грамматике" неизбежность определяется наряду с необходимостью как частное значение "объективной предопределенности" [3]. Представляется, что "предопределенность" ближе к неизбежности, чем к необходимости. Иначе говоря, неизбежность - это предопределенная необходимость. Такое определение подчеркивает абсолютную независимость реализации действия от намерения, воли субъекта (если субъект - лицо) и стихийность, непроизвольность действия, процесса (если субъект - не лицо):

Шуйский. Он покраснел: быть буре! (А.С. Пушкин)

-Ну зачем же... Которой рекой плыть, ту и воду пить. (Д. Гранин)

Модальность неизбежности, как и другие значения необходимости, может иметь объективный и субъективный характер. В первом случае обозначается действие, осуществление которого определяется внешними по отношению к субъекту обстоятельствами. Во втором - неизбежным для его субъекта действие представлено с позиции говорящего, т.е. выявляется "неизбежность с оттенками волеизъявления" [4].

а) *Однако не зря говорится: сколько веревочке не виться, а концу быть.*
(Н. Лесков)

б) *Товарищ Сталин распорядился. Вчера выступал в метро на Маяковского, я там был... Вчера выступал, а нынче сказал - быть параду!* (К. Симонов)

Во втором примере действие будет совершаться по воле Сталина ("Сталин распорядился").

ИП с модальностью объективной неизбежности свойственна определенная лексическая ограниченность в выражении предиката: обычно

это глаголы экзистенциального класса, называющие бытие, состояние субъекта (82 %) :

Производственную и домашнюю жизнь разделят на вахты: неделю ты принадлежишь леспромхозу и неделю - семье. И быть тому. Да и как не быть, если другого дела здесь нет. Поля и луга, которыми когда-то жил народ, со строительством гидроэлектростанции затопили - и остались леса. (В. Распутин)

А мне какую судьба определила или бог послал, с той и вековать, ту любить и жалеть. (В. Астафьев)

Реже встречаются ИП с предикатами конкретно-процессного значения. Как правило, субъект в таких случаях лицо, а не предмет или явление (18%) :

Нынче, как раз к осени, ему исполнится восемнадцать. На будущий год и ему призываться. (С. Сартаков)

В поле зрения исследователей обычно попадают ИП с модальностью неизбежности с глаголом "быть". Отмечается структурно-семантическая соотносительность последних с двусоставными конструкциями с формой "будет": "Быть дождю= Будет дождь" [5].

Есть и несколько иные трансформации подобных ИП, подчеркивающие семантический компонент обязательности осуществления действия: "Завтра быть дождю = Завтра случится идти дождю", "Быть беде = Обязательно будет беда" [6]. Кроме того, значение неизбежности может быть выражено и безличными предложениями (БЛП) с модальными квалификаторами "придется" и "предстоит"[7]. Очевидно, эти лексемы многозначны, способны обозначать разные оттенки необходимости ("предстояние", "вынужденность" и др.), в том числе и неизбежность :

"Мамочка, выйди замуж..." Как будто от матери это зависит, как будто мать еще раз решится... Нет уж, придется Лене жить без отца...

(Е. Катасонова)

Ср.: Нет уж, жить Лене без отца...Будет жить Лена без отца...

В исследовании А.А. Потебни есть интересные наблюдения над ИП такого типа, которые во многом проясняют истоки общности их модального содержания с модальностью двусоставного и безличного предложений. А.А. Потебня, рассматривая глагол "есть", стоящий или опускаемый при неопределенном наклонении ("быть грому" из "есть быти грому"), отмечал у него несколько различных оттенков, которые позволяют выявлять "тонкие модальные различия инфинитивных оборотов" [8]. Для нас представляют интерес два значения: 1) "есть" в значении "предстоит" и 2) "есть" в значении "придется".

Относительно первого значения А.А. Потебня замечает, что "*есть*... своим лексическим содержанием отодвигает действие связанного с ним неопределенного наклонения в будущее, по отношению к настоящему, заключенному в *есть*. В этих случаях в современном языке рассматриваемые обороты, если удерживаются, нередко заменяются

будущим как совершенным, так и несовершенным" [9]. Что касается второго значения глагола "есть", то и оно раскрывается с помощью конструкций с формами будущего времени.

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что соотносительные предложения с формами будущего времени обладают тем же самым модальным значением, что и ИП, в которых когда-то был глагол "есть", переставший употребляться, но оставивший конструкции в целом модальное значение неизбежности. На этом основывается и возможность взаимной трансформации:

Не обижайся ради праздника, а то весь год ссориться будем (К. Симонов)

Ср.: А то весь год (нам) ссориться = А то весь год (нам) придется ссориться.

Граница этого синонимического ряда в известной мере определяется значением субъектной формы: если она имеет неличное значение, то возможна трансформация ИП только в двусоставное предложение (с глаголами "будет" или "случится"). При личном значении формы дат. п. возможна трансформация ИП и в БЛП с модальными квалификаторами "придется", "предстоит" :

а) *Но, признаюсь, опасность не мала. Весть важная! и если до народа Она дойдет, то быть грозе великой.* (А.С. Пушкин)

Ср.: Будет (случится) гроза великая.

б) *Разбуженные дождем подземные силы пришли в движение, доска примерно на половине высоты котлована треснула, и серая жижа сотнями змей поползла вниз. - Ну, Васька, теперь нам тут до утра карасей ловить... Пошли к начальству.* (С. Антонов)

Ср.: Теперь нам тут до утра карасей придется ловить = Теперь мы тут до утра карасей будем ловить.

Члены синонимического ряда, различаясь структурно, неодинаково выражают объективную модальность неизбежности. В ИП это значение передается более интенсивно, подчеркивается, что действие непременно, неминуемо осуществится:

Знаю: гадая, и мне обрывать Нежный цветок маргаритку, Должен на этой земле испытать Каждый любовную пытку. (А. Ахматова)

Нам брести в смертоносных равнинах, Чтоб узнать, где родилась река, На тяжелых и гулких машинах грозовые пронзать облака... В каждом взгляде тоска без просвета, В каждом вздохе томительный крик, - Высыхать в глубине кабинета Перед пыльными грудами книг. (Н. Гумилев)

Ср.: Гадая, и я буду обрывать... = Гадая, и мне придется (суждено) обрывать... и т.д.

В двусоставном предложении форма будущего времени менее определенно выражает модальность неизбежности. В данном случае форма времени выступает во вторичной, модальной функции, но тем не менее, модальный оттенок остается как бы "в тени" первичного, футурального

значения. Это объясняется, по-видимому, тем, что модальная функция более характерна для форм будущего простого и менее - для будущего сложного [10].

Конструкции-синонимы характеризуются неодинаковыми возможностями в плане внутримодельных изменений, в частности, по категории времени. Двусоставные предложения и БЛП имеют парадигмы форм синтаксического времени. ИП не образуют такую парадигму в силу того, что модальность неизбежности обусловливает своеобразное темпоральное значение в исходном виде модели: подчеркнутой "постпрезентности" действия, следовательно, отнесенности к будущему [11]. Отсутствие временной парадигмы, в свою очередь, влияет на усиление оттенка потенциальности действия, названного в ИП, а следовательно, и семантического сдвига в модальной перспективе в сторону ирреальности.

В ИП с семантикой субъективной неизбежности фактором "предопределенности" совершения действия является стремление, намерение, угроза, воля говорящего. Субъектная форма имеет значение 2-го или 3- го лица.

Сей грозный меч накажет вора, Лети хоть до ночной звезды, А быть тебе без бороды! (А.С. Пушкин)

Так я же вам докажу! Вы перестанете у меня так халатно относиться к психической стороне дела! Быть вашей Марье Ивановне в Сибири ! Я докажу! (А.П. Чехов)

Ср.: А будешь ты без бороды! Будет ваша Марья Ивановна в Сибири!

Модальная база таких предложений содержит компонент "Я сделаю все, чтобы это произошло (не произошло)", а неизбежность осложняется субъективно-модальными оттенками категоричности, уверенности говорящего в том, что действие будет осуществлено его субъектом. ИП в целом имеет полисубъектный характер: говорящий и деятель - разные лица.

ИП с объективным и субъективным значениями неизбежности, по-видимому, являются синтаксическими омонимами, т. к. имеют одинаковую структуру, но различаются семантически: у последних модальная перспектива более сложная. Кроме того, они имеют неполную парадигму личных форм (нет формы 1- го лица), а у омонимичного ИП она полная. Интонация, персональные значения, конситуация помогают разграничить предложения - омонимы, а тем самым и два явления: синонимию и омонимию [12].

Модальность неизбежности в сочетании с отрицанием видоизменяется и приобретает некоторые новые свойства: при негации оттенок неизбежности усиливается. Особенно ярко это проявляется в ИП с предикатами, выраженными глаголами "не бывать", "не миновать" . Они имеют только отрицательную форму:

Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать...
(А.С. Пушкин)

Дойдем, иному не бывать. Своих достигнем линий. И воевать - не миновать. А отдыхать? В Берлине! (А. Твардовский)

Не три свечи горели, а три встречи - Одну из них сам бог благословил, Четвертой не бывать, а Рим далече, - И никогда он Рима не любил. (О. Мандельштам)

Страшный, говорит, секрет. Не миновать твоему темной... Так и ждите, не сегодня - завтра упекут. (Б. Пастернак)

Я не плачу, я не жалуюсь, Мне счастливой не бывать. (А. Ахматова)

Ср. : То не минует = Тому не суждено миновать. И т. д.

Синонимами являются, как и в ряду без отрицания, двусоставные предложения с формами будущего времени или односоставные с определенно- или обобщенно - личным значениями. Это подтверждается обратными трансформациями в ИП :

Никогда мне ничего лучшего не будет. - Почему? - Так... мне это на роду написано. (Н. Лесков)

Заходите к нам. - Вас не минуешь, - ответил на это Ромашкин, - путь к немцам идет через вас. (К. Симонов)

Ср.: Никогда у меня уже ничему лучшему не быть. Вас не миновать.

Во втором примере модальность неизбежности взаимодействует с персональным значением: с одной стороны, субъект назван в контексте, а с другой - неизбежность действия распространяется на любое лицо в этой ситуации. Ср.: Никто вас не минует.

Здесь преобладает оттенок обобщенности (включающий и личный опыт говорящего), который, в свою очередь, усиливает значение предопределенности действия.

Модальность неизбежности в сочетании с отрицанием пересекается с семантикой невозможности, и часто нельзя достаточно четко их разграничить. Вероятно, одной из причин этого выступает семантическая взаимосвязанность модальностей необходимости (в том числе и неизбежности), отрицания и возможности. Такие ИП выражают “абсолютную, неизбежную невозможность” действия [13]. Данное значение может быть подчеркнуто в конструкции словами или сочетаниями типа “никогда”, “ни за что” или эксплицировано с помощью подстановки подобных показателей. ИП трансформируется в конструкции с модальностью невозможности и неизбежности :

Так что у тебя? Позвоночник, говоришь? Ну, брат, военным тебе уже никогда не быть. (Газ.)

Ср.: Ну, брат, военным ты уже никогда не будешь = ...военным ты уже никогда не сможешь быть = ...военным тебе уже никогда не придется быть.

В подобных ИП синкретично не только предикатное, но и темпоральное значение: модальная оценка совпадает с моментом речи, само же действие относится к плану будущего.

Не быть мне в Спасове! -- проговорила она хозяйке. Оказалось, что одна помещица... велела ей еще вчера поджидать себя в Хатове и обещала довезти до Спасова, да вот и не приехала. (Ф.М. Достоевский)

Мне не доплыть, доктор, я не могу шевелиться. Не стойте здесь, прощайте. (Г. Горбовский)

Ведь мы не просто так, мы- штрафники, Нам не писать: "Считайте коммунистом" (В. Высоцкий)

Ср. : Не буду я в Спасове! = Не могу (смогу) я быть в Спасове! = Не придется мне быть в Спасове! Я не доплыву = Я не могу (смогу) доплыть = Мне невозможно (будет) доплыть.

В подобных ИП очень важен вид глагола. А.А. Бойко отмечает, что ИП с "тем и другим видом могут носить оттенок предсказания, предчувствия", т.е. неизбежности [14]. Материал показывает, что все же несовершенный вид (НСВ) глагола преобладает в ИП данного типа (более 80%). Это связано с двумя факторами. Во-первых, сочетание совершенного вида (СВ) инфинитива с отрицанием служит прежде всего для выражения значения невозможности, а НСВ с отрицанием - преимущественно для передачи значений необходимости и неизбежности. Во-вторых, типичной для модальности неизбежности бытийный класс глаголов соотносится с семантикой НСВ, "оформляющего стремление говорящего к обобщению: "сейчас" и "всегда" [15]. С этим связано и отсутствие темпоральной парадигмы у ИП данной разновидности, тогда как ИП с "чистой" модальностью невозможности ее имеют.

ИП с объективной модальностью абсолютной неизбежности отличаются от синонимичных конструкций не только структурно-семантически, но и своей экспрессивностью, интенсивностью проявления предикатной модальности, лаконичностью. Этим объясняется их широкое функционирование в разговорной речи, в пословицах и поговорках:

Вороне соколом не бывать.

Подстреленной птице далеко не лететь.

Не бывать плешивому кудрявым.

Чему быть, того не миновать. (Русские пословицы и поговорки)

Ср. : Ворона соколом не будет = Вороне соколом не суждено быть = Вороне соколом невозможно быть (стать). И т. д.

При отсутствии субъектной формы афористичность ИП усиливается, что сближает их с обобщенно-личными конструкциями с самой высокой степенью обобщения персонального значения, т.к. отсутствует связь с говорящим, с его личным опытом [16]:

Бездонной бадьи водой не наполнить. (пословица)

Ср.: Бездонной бадьи водой не наполнишь = Бездонной бадьи водой не суждено (невозможно) наполнить.

В ИП и обобщенно-личной конструкции семы неизбежности и невозможности находятся в "уравновешенном" состоянии: действие не

может осуществиться никем и никогда. Им свойственно одно и то же темпоральное значение-вневременность, поэтому они не имеют парадигм форм времени. Доминирует здесь обобщенно-личная модель как изосемичная – в ней наиболее определенно обозначены основные компоненты инвариантного синтаксического значения: повествовательность, реальная модальность, неизбежная невозможность, вневременность и обобщенность субъекта. Модальность предиката, как и в ИП, имплицитна и выражается формой будущего времени глагола в модальной функции: "Отличительной чертой форм будущего времени с отрицанием является также ясное выражение в них оттенка неизбежности. Последний выступает в сочетании с оттенком невозможности в тех формах, которые имеют видовременное значение обычного, постоянного результата, вне временных ограничений" [17].

В целом повествовательные ИП с модальностью неизбежности наряду с другими семантическими разновидностями общего значения необходимости с точки зрения предикативной модальности могут быть отнесены к реально-потенциальному плану. Действие представлено как такое, которое обязательно совершится (или не совершится), а следовательно, реальна его неизбежность. Вместе с тем, отсутствие у данного типа ИП темпоральной парадигмы, очевидная направленность действия в будущее обусловливает периферийность их положения среди средств выражения реальности-ирреальности.

Примечания

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 127.
2. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. С. 222-223.
3. Русская грамматика. Т.2. М., 1982.
4. Тимофеев К.А. Об основных тирах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке// Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 257- 301.
5. Долин Ю.Т. О грамматической форме инфинитивных конструкций типа *Вам собираться в дорогу; Быть дождю* (к истории одной синтаксической дискуссии)// Русский язык в школе. 1996. № 6. С.82-87.
6. Тимофеев К.А. Указ. соч. С.276.
7. Крючков А.Л. Семантические различия между простыми предложениями со значением необходимости// Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвуз. сб. научн. трудов. М., 1991. С. 146-151.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958. С. 395.
9. Там же. С. 397.
10. Никитевич В.М. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1953.
11. Востоков В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000. С.23.
12. Чеснокова Л.Д. О системном подходе к описанию синтаксической синонимии, омонимии и многозначности// Проблемы грамматической семантики. Ростов н/ Д., 1978. С. 12 - 21.

13. Никитевич В.М. Указ. соч. С.10.
14. Бойко А.А. Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке. Л., 1973. С.89.
15. Ушакова Л.И. Употребление видов глагола в некоторых инфинитивных конструкциях// Русский язык в национальной школе. 1983. №2. С. 19 - 22.
16. Калинин А.Ф. Синонимия обобщенно-личных и инфинитивных предложений// Синтаксическая синонимика в русском языке : Межвуз. сб. научн. тр. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1984. С. 21-30.
17. Никитевич В.М. Указ. соч. С.12.

В.В. Федорова

СЛОВО ПУШКИНСКОЙ СКАЗКИ

История создания «Сказки о попе и о работнике его Балде» известна достаточно хорошо. А.С.Пушкин написал ее 13 сентября 1830 года в Болдине на основе русской народной сказки, записанной в Михайловском в 1824 году [1,2]. Если сравнить запись народной сказки [3] и пушкинский текст, то общим является лишь сюжет, наименования основных персонажей (поп, работник, Балда, попадья, черти, бесенок), а также отдельные предложения и словосочетания: «Навстречу ему Балда», «три щелка в лоб», «срок уж близок», «с чертей оброк сбирать», «меньшой брат» и некоторые другие.

Самое примечательное выражение в этом тексте: «Да вот стану море морщить, да вас, чертей, корчить» (ср. у Пушкина: «Да вот веревкой хочу море морщить, Да вас, проклятое племя, корчить»), аналогичное стиху и стилю пушкинской сказки, исследователи обычно выделяют [1], говоря о языке няни как об одном из источников поэтической речи пушкинских сказок.

Но основная словесная ткань «Сказки о попе и о работнике его Балде», конечно, авторская, пушкинская. Указание на ее истоки в специальных работах обычно общее – народный язык, фольклор; стих сказки – раешный, скомороший [2,4]; художественная форма этой сказки не повторяется больше ни в одном произведении Пушкина [1]. При более детальном исследовании языка сказок отмечают особенности использования фольклорных образов у Пушкина, когда небольшое изменение формы выражения оказывается весьма существенным для внутреннего смысла [3,5].

Фраза «Сказки о попе и о работнике его Балде» – «Яичко испечет да сам и облупит» – привлекает внимание каким-то скрытым смыслом. Вопросы можно поставить такие: 1) Как употреблялись глаголы *испечь,*

облупить в пушкинское время? 2) Как употребляются эти глаголы в русском языке конца XX века? 3) Была ли в данном случае возможная фольклорная основа, если была, то какая? 4) Что же в целом обозначает эта фраза?

Представим имеющиеся сведения об употреблении данных глаголов в ретроспективе. В семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) значение глагола *испечь* – «приготовить в пищу сухим нагреванием на жару» иллюстрируется примерами «Пирожное испечь она сбиралась» (Пушкин); «Хозяйка на рассвете испекла хлебы…» (А.Толстой); «Мать испекла пироги…» (Панова). В четырехтомном «Словаре русского языка» (СРЯ) иллюстративный материал к глаголу *печь* (сов. *испечь*) представлен словосочетаниями *печь пироги, печь хлеб, печь яйца.*

При опросе группы студентов (25 человек) второго курса психолого-педагогического факультета Нижегородского педуниверситета на вопрос о характере действия, совершаемого персонажем сказки (*яичко испечет*), ответили так: 1) в русской печке варит в горшке – 22 ответа; 2) может быть, в золе (неуверенно) – 1 ответ; 3) печет в костре – 1 ответ; 4) печет на поду в русской печке – 1 ответ. Студентке, которая дала ответ № 4, знаком внешний вид, вкус и способ приготовления печеных яиц, поскольку в летние каникулы она бывала у бабушки в Гагинском районе Нижегородской области.

Значение глагола *облупливать* (*облупить*) – «обдирать, очищать со всех сторон от кожи, коры, скорлупы и т.п.; лишать верхнего слоя, покрова» в ССРЛЯ иллюстрируется той же самой пушкинской фразой, которую мы анализируем, и еще двумя примерами из текстов XIX века. Глагол *облупить* в указанном значении ССРЛЯ считается стилистически нейтральным, в отличие от СРЯ, где он дается как просторечный. Опрос студентов показал, что из двух вариантов – *облупить/ очистить* яйцо – большинство предпочитают словосочетание с глаголом *очистить*. В языковом сознании автора данной работы словосочетания *испечь яйцо* и *облупить яйцо* связаны с системой родного диалекта, где они были (в 40-е годы XX века) довольно частотными и привычными.

Таким образом, для русского литературного языка конца XX века употребление словосочетаний *испечь яйцо* и *облупить яйцо* не является актуальным: первое ушло в пассивный словарь по экстралингвистической причине, а второе стилистически ограничено в своем употреблении. В первой половине XIX века употребление этих глаголов не было ограничено теми условиями, о которых мы говорили по отношению к языку XX века. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) зафиксированы глаголы *испечь* – «приготовить посредством печения» (испечь хлебы) и *облупать* – «лупить вокруг, снимая кожицу, кору, скорлупу и т.п.» (облупить яйцо, иву), причем другое значение глагола *облупать* – «ограбить, грабить» имеет помету «в просторечии».

Значения глаголов *испечь* и *облупить* за полтора столетия не изменились, поэтому возможно понимание пушкинского текста на основе своеобразного переплетения прямого и переносного значения слов. На вопрос о смысле фразы опрошенные студенты единодушно ответили: «Все-все сделает, даже яички облупит».

Однако пушкинская фраза «Яичко испечет да сам и облупит» имеет и дополнительный смысл, в ней есть подтекст. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля к глаголу *облупить* дается такой иллюстративный материал: «Вот тебе яичко попово, облуплено, готово. Ешь, не сказывай, облупишь, не показывай»; «Ему дай яичко, да еще и облупленное». В «Словаре русских народных говоров» указано, что фразеологизм «дай яичко да еще облупленное» – так говорится о чрезмерных требованиях кого-либо – зафиксирован словарями в XIX веке (1856) и отмечен в XX веке в Псковской и Смоленской областях. В группе опрошенных студентов это выражение слышала в живой речи в Спасском районе Нижегородской области только одна студентка, определившая его значение на основе бабушкиных высказываний как «слишком многого хочешь».

Итак, анализируемая фраза в «Сказке о попе и о работнике его Балде» представляет собой, во-первых, фольклорную реминисценцию, во-вторых, в ней используется трансформированный фразеологизм, в результате чего возникает скрытая антитеза: человек с чрезмерными требованиями – непритязательный, нетребовательный человек. О том, что перед нами характеристика персонажа, значение свойства, признака, т.е. нечто постоянное, свидетельствуют и значения глагольных форм настоящего времени, в одном ряду с которыми употреблены глаголы *испечет* и *облупит*: «*спит* себе на соломе», «*ест* за четверых», «*работает* за семерых», «до светла все у него *пляшет*». Это настоящее обычного действия, не конкретное действие, а ряд его повторений; в этом же значении употреблены и формы будущего простого: *запряжет, вспашет, затопит, заготовит, закупит, испечет* и *облупит*. Характеризующее значение форм *испечет, облупит* усиливается значением свойства, качества, которое вносится трансформированным фразеологизмом.

Примечания

1. Зуева Т.В. Сказки Пушкина. М.,1989. С.13, 14-15.
2. Шарапова Л.А. Стих «Сказки о попе и о работнике его Балде»// Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т.XIII. С.88.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. М.,1975. Т.3. С. 423-424, 102-103.
4. Томашевский Б.В. Пушкин. Работы разных лет. М.,1990. С.27, 526-527.
5. Медриш Д.Н. Об особенностях фольклоризма у Пушкина// Русская речь. 1993, № 3, С.99-104; № 4, С. 94-99.

Л.А. Шабловская

СРАВНИТЕЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЛЕЧЁННЫХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАРКА

Диахроническое изучение абстрактной лексики является не только актуальной задачей, но и одной из самых интересных областей исследования в исторической лексикологии. Ведь именно в абстрактной лексике на каждом историческом этапе реализуются все представления человека о себе, о мире, об отношениях себя к миру и человека к человеку, то есть весь аппарат духовной, интеллектуальной и эмоциональной деятельности. В современном отечественном языкознании до сих пор открытым оставался вопрос о том, как появление сакральных текстов на Руси повлияло на освоение отвлечённых имён существительных древнерусским и современным русским языками.

В рамках многоаспектного изучения абстрактных существительных в Евангелии от Марка, взятом в церковно-славянской редакции, была предпринята попытка определить функционально-стилистические особенности исследуемой лексики - увидеть место, занимаемое ею в древнерусском и церковно-славянском языках, установить закономерности освоения её языком в связи с её стилистической неоднородностью. Такая задача требовала привлечения фундаментальных лексикографических трудов, в качестве которых были избраны "Материалы для словаря древнерусского языка" И.И.Срезневского, Словарь древнерусского языка XI-XVII веков и Старославянский словарь по памятникам X-XII вв. [1,2,3]

Прежде всего необходимо было уяснить, насколько значительны лексические расхождения в изучаемой области между церковно-славянским и старославянским языками, то есть насколько полно отвлечённые существительные в Евангелии от Марка, язык которого сложился к XVII в., представлены в старославянском словаре, отразившем лексику древних славянских текстов XI-XII вв. (хотя нельзя забывать, что речь идёт о формально-лексических, а не о семантических расхождениях).

Путём сплошной выборки из текста Евангелия от Марка было извлечено 166 лексем.* Неожиданным заключением стало то, что из всего исследуемого материала лишь 8 лексем не были представлены в старославянском словаре: **безꙋмство**, **бѣгство**, **зло**, **наслѣдствіе**, **плаваніе**, **полцарствіе**, **соборище**, **сродство** (4,1%). К тому же, если обратить внимание на состав этой лексики, (наличие общеславянского по происхождению слова **зло**), могут возникнуть соображения о

* На исследуемом материале 26 лексемами представлена полисемия, таким образом, общее число абстрактных значений составило 192.

недостаточности сведений, даваемых существующим старославянским словарём, который представлен всего 18 изученными памятниками X-XII вв. Кроме того, подобные слова, присутствующие в церковно-славянском языке и отсутствующие в старославянском, могли присутствовать в последнем в виде собственных словообразовательных дублетов, сохраняя при этом не только единую семантику, но и общую словообразовательную модель и различаясь лишь синонимичными аффиксами. Так, вместо церковно-славянского **безѹмство** в старославянском словаре присутствует слово **безѹмiе**, вместо **наслѣдствiе** - **наслѣдiе** (со сноской на аналогичный евангельский контекст). В иных случаях в церковнославянском языке, усвоившем продуктивные словообразовательные модели формирования абстрактной лексики, могли появляться и такие слова, которые реально не существовали в старославянском языке даже с учётом всех прочих неизученных старославянских памятников. Однако, как видим на материале Евангелия от Марка, процент такой лексики весьма невелик.

Далее интерес представляли соотношение наличия слова в старославянском (X-XI вв. – [3]) и древнерусском (XII-XV вв. – [1,2]) языках, а также функциональные особенности употребления слова в древнерусском языке В частности, необходимо было установить, какими памятниками иллюстрируется в словаре И.И. Срезневского слово в его конкретном значении: только теми, что идут в русле церковно-славянской традиции, или также даются отсылки на собственно древнерусские памятники.

Для удобства сравнительно-стилистического сопоставления вся лексика в её конкретных значениях, встречающихся в тексте, была разделена на функциональные группы в соответствии с тем, как слово в каждом отдельном значении представлено в лексикографических трудах [1,2,3].

I. Лексика, отсутствующая в старославянском словаре

1. Небольшая группа лексики, встречающейся только в церковно-славянских памятниках и отсутствующей в древнерусских, представлена 6 лексемами (3,1% материала): **Безѹмство**, **бѣгство**, **наслѣдствiе**, **полцарствiе**, **соборище**, **сродство**.

Как данная лексика сформировалась в церковно-славянском языке, не будучи представленной ни в старославянском языке (по имеющимся сведениям), ни в древнерусском? Судя по тому, что половина её образована по непродуктивным словообразовательным моделям (основосложение, суффиксально-префиксальный способ), да и прочие словообразовательные средства (суффиксы **-ство**, **-ищ**) являются специфически старославянскими, уместнее предположить старославянский, а не древнерусский генезис данной группы лексики. Отсутствие же её в старославянском словаре может также объясняться тем, что не сохранился полный корпус старославянских

текстов X-XII вв., и нельзя поручиться за то, что данная лексика отсутствует во всех этих памятниках.

2. Лексика, встречающаяся и в церковно-славянских, и в древнерусских памятниках представлена 2 лексемами: **ѕло**, **плаваніе** (1% материала).

Соотносительность между существованием двух вышеуказанных групп лексики даёт возможность высказать предположения о моделях формирования отвлечённой лексики в церковно-славянском и древнерусском языках. Важно то, что, после идентификации с вышеупомянутыми лексикографическими источниками, из всего объёма исследуемой лексики не было выявлено ни одного слова, которое бы встречалось только в древнерусских памятниках и отсутствовало в старославянских и церковно-славянских. Такое наблюдение может свидетельствовать о том, что слово, которое не было исконно представлено в старославянском языке, не смогло в дальнейшем сформироваться и в церковно-славянском только из резервов древнерусского языка. Если соотнести этот факт с фактом существования группы I-1, описанной выше (6 слов, якобы отсутствующих в старославянском языке, сформировались в церковно-славянском, но также не из резервов древнерусского), то станет ясно, что подобная модель развития лексики была в принципе исключена (то есть модель "самозарождения" церковно-славянского абстрактного имени существительного из древнерусской языковой стихии). И здесь не должно смущать наличие группы I-2, представленной всего 2 словами (**ѕло** и **плаваніе**), которые отсутствуют в старославянском словаре, скорее всего, по недостатку сведений. Да и сама возможность существования слова в древнерусском и церковно-славянском языках и отсутствия его в старославянском ещё не говорит о том, что это слово перешло в церковно-славянский язык из древнерусского.

II. Лексика, зафиксированная в старославянском словаре

1. Лексика, встречающаяся только в церковно-славянских памятниках и отсутствующая в древнерусских, представлена 67 словами в их отдельных значениях (34,9% материала) – это лексика, унаследованная церковно-славянским языком из старославянского, то есть старославянская по своему функционально-речевому употреблению: **всесожженіе**, **геенна**, **гордыня**, **дꙋхъ** "жизненное начало", "бес", **дꙋша** "духовные свойства", **жестосердіе**, **завѣтъ**, **запꙋстеніе**, **избавленіе**, **изгнаніе**, **измѣна**, **ковъ**, **крещеніе** "омовение", **крѣпость**, **легеонъ**, **лесть** "ложные понятия", **лицемѣріе**, **лꙋкавствіе**, **мерзость**, **напасть**, **небо**, **невѣріе**, **невѣрствіе**, **непщеваніе**, **огнь** "божественный огонь", "ад", "горячка", **шкаменение**, **шсꙋжденіе**, **шчищеніе**, **пасха**, **первовозлежаніе**, **погребеніе**, **преданіе** "предательство", **преждесѣданіе**, **призракъ**, **прокаженіе**, **пѣтлоглашеніе**, **разꙋмъ**,

рождество, **свидѣтельство** “указание”, “обвинение”, **свѣтъ**, **сила** “чудо”, “духовная власть”, **сонмище**, **сонмъ**, **сладость**, **сокровище**, **соль**, **стезя**, **стѹдодѣаніе**, **сѵѵѣѡта**, **сѣмя**, **точеніе**, **требованіе**, **трѹдъ**, **ѹза**, **ѹченіе**, “поучение”, **хѹла**, **хѹленіе**, **царствіе**, **цѣлованіе**, **чаша**, **червь**, **явленіе**.

В рамках этой группы можно отметить семнадцать слов (25,4%), имеющих дополнительную функциональную специфику: по отсылкам в словаре И.И. Срезневского, они представлены исключительно каноническими евангельскими текстами и, кроме них, не зафиксированы в данных значениях в любых других неканонических памятниках церковной литературы (поучениях, житиях и пр.): **Всесожженіе**, **крещеніе** “омовение”, **небо**, **невѣріе**, **огнь** “божественный огонь”, **первовозлежаніе**, **преждесѣданіе**, **пѣтлоглашеніе**, **рождество**, **свидѣтельство** “указание”, “обвинение”, **сонмище**, **сонмъ**, **точеніе**, **ѹза**, **чаша**, **явленіе**.

У этой группы слов можно заметить ряд словообразовательных и семантических особенностей, если сравнить её с прочей лексикой, представляющей группу II-1. Так, процент производной лексики выше среди той группы слов, которые употребляются только в Евангелиях. То же касается и процента лексики, образованной по наиболее непродуктивным словообразовательным моделям в сфере отвлечённых имён существительных, и процента собственно отвлечённой лексики. С точки зрения лексико-семантических групп приоритетом среди всей лексики в группе II-1 пользуются сакральные понятия. Для лексики, употребляющейся только в евангельских текстах, это, пожалуй, единственная приоритетная семантическая группа (18,8%); для всей же остальной лексики, взятой отдельно, такими приоритетными группами можно назвать ещё и группу интеллектуально-духовных абстрактных (субстантивированных) понятий (10%) и адъективно ориентированную в контексте лексику человеческих свойств и качеств (12%).

2. Лексика, встречающаяся и в церковно-славянских, и в древнерусских памятниках (57,3% материала): **Богатство**, **болѣзнь**, **брань**, **власть**, **волга**, **воскресеніе**, **время** “время”, “ограниченное, определённое пространство времени”), **вѣкъ**, **вѣра**, **гибель**, **гладъ**, **глѹбина**, **гнѣвъ**, **гоненіе**, **грѣхъ**, **добро**, **дѹхъ** “душа”, **дѹша** “жизнь”, “духовная сторона человека”, **дѣло** “поступок”, “работа”, **евангеліе**, **жатва**, **жертва**, **животъ**, **житіе**, **заповѣдь**, **зачало**, **знаменіе** “знак”, “признак”, “чудо”, **избѣтокъ**, **истина**, **источникъ**, **клѧтва**, **конецъ** “край”, “finis”, **кончина**, **крестъ**, **крещеніе** “baptisma”, **лесть** “обман”, **лихоимство**, **лишеніе**, **любодѣаніе**, **мзда**, **миръ**, **міръ**, **множество**, **молва**, **молитва**, **мѣра**, **мятежь**, **написаніе**, **начало**, **недѹгъ**, **обида**, **область**, **образъ**

“изображение”, “вид”, **обычаи**, **отечествіе**, **Ѡпѹщеніе**, **памѧть**, **печаль** “забота”, “горе”, **писаніе**, **покаѧніе**, **польза**, **помышленіе**, **похѡть**, **праздникъ**, **преданіе** “устно переданное правило”, **предложеніе**, **прелюбодѣѧніе**, **прелюбы**, **премѹдрость**, **пѹть**, **радость**, **сила** “могущество”, “ангельский лик”, **скорбь**, **слава**, **слово**, **слышаніе**, **смерть** “кончина”, **совѣтъ** “заговор”, **сотрѣшеніе**, **созданіе**, **страхъ**, **стѧжаніе**, **сѹдъ**, **таина**, **татьба**, **тварь**, **тишина**, **тма**, **торжище** “торг”, **трепетъ**, **тщаніе**, **ѹжасъ**, **ѹмъ**, **ѹченіе** “учение”, **царство** “государство”, “царствование, царская власть”, **часъ** “соответственное время”, “час”, **честь**, **чѹдо**, **юность**.

Объём этой лексики говорит о том, что данная группа слов представляет собой полифункциональную базу отвлечённых имён существительных, присутствующих как в старославянском, так и в церковно-славянском и древнерусском языках. Поэтому согласно логике, именно данная лексика должна в первую очередь наследоваться современным русским языком. Такое предположение предстоит проверить.

3. Лексика, встречающаяся только в древнерусских памятниках и отсутствующая в церковно-славянских, представлена 6 словами, что составляет 3,1% всего материала: **Глѣхъ**, **смерть** “смертная казнь”, **совѣтъ** “совещание”, **торжище** “собрание”, **ѹбійство**, **хотеніе**.

Само по себе существование данной группы лексики парадоксально: лексикографические источники констатируют её употребление только в древнерусских памятниках и не дают сносок на памятники церковно-славянские, в то время как изучаемое Евангелие от Марка уже является церковно-славянским памятником XVII в. Очевидно, причиной этого следует считать недостаточность словарных данных. Так, первоначально, по результатам работы со словарём И.И.Срезневского, к этой группе были отнесены ещё 3 слова: **дѹхъ** “душа, духовная сторона человека”, **дѹша** “жизнь” и **написаніе** “надпись”. Однако, по имеющимся данным Словаря древнерусского языка XI-XVII в. они имели отсылки также и к церковно-славянским памятникам до XV в., что позволило отнести их к группе II-2. Поскольку издание Словаря древнерусского языка XI-XVII вв. не доведено до конца, мы не имели возможности проверить по нему оставшуюся лексику на наличие соответствующих отсылок. Поэтому следуя логике, не будет ошибкой поставить под сомнение само существование группы II-3, к тому же мы уже успели отметить принципиальное отсутствие на исследуемом материале таких слов, которые, не будучи представлены в старославянских и церковно-славянских памятниках, встречались бы в памятниках светского характера (предполагаемой группы I-3).

Учитывая все указанные аргументы, вышеперечисленную в группе II-3 лексику будем рассматривать наравне с полифункциональной лексикой,

составившей группу II-2 и представленной памятниками как церковной, так и светской литературы.

Таким образом, в результате сопоставления лексикографических данных в исследуемом материале были выделены 2 основные группы лексики, различающиеся по своему функционально-речевому употреблению: "старославянская" и "нейтральная" (полифункциональная), в каждой из которых есть крайне незначительный процент лексики, не зафиксированной в старославянском языке (что могло быть связано с недостаточностью словарных данных). Поскольку этот последний факт не показателен в стилистическом отношении, сравнительно-стилистический анализ был ограничен описанием двух основных вышеназванных групп.

Итак, **лексику функционально старославянскую** составил корпус слов, объединённых первоначально в группы I-1 и II-1. Она составила 68 лексем или 73 слова в их отдельных значениях (38% всего материала). Как указывает словарь И.И.Срезневского, употребление этой лексики ограничено относительно узким кругом памятников, написанных в старославянской традиции (33 памятниками церковной литературы и письменности). Основную массу этой лексики закономерно составляет лексика старославянская по происхождению (86,3%). Это может говорить о том, что основной массив отвлечённой лексики в памятниках церковно-славянской письменности состоит из старославянских новообразований, словообразовательных или чисто семантических.

Большая же часть материала (62%) является **полифункциональной лексикой**, то есть используемой не только в церковной, но и в светской литературе. Её составила лексика, первоначально выделенная в группы I-2, II-2 и II-3 (106 лексем или 119 слов в их отдельных значениях). Обращает на себя внимание значительно более широкая сфера её употребления. Словарь И.И. Срезневского указывает на 195 памятников, самых разнообразных в жанровом отношении: это и каноническая церковная литература (евангельские и ветхозаветные тексты), и служебная, житийная, учительная литература, и памятники деловой и судебной письменности, древнерусской "художественной" литературы, обширный летописный материал. Группу полифункциональной лексики составляет лексика, на 56,3% имеющая общеславянское происхождение, а на 43,7% - старославянское. А это означает, что довольно значительная часть старославянских новообразований в сфере отвлечённых имён существительных закрепилась в живом древнерусском речевом употреблении, не связанном с сакральным контекстом.

Сравнив данные о функционировании слова с его этимологическими характеристиками, необходимо отметить несовпадение генезиса и функционально-речевого употребления слова, то есть старославянское по происхождению слово может быть полифункциональным по употреблению, и напротив, слово, имеющее общеславянский генезис, может употребляться

только в памятниках церковной литературы, хотя последнее встречается реже.

Соотношение словообразовательных и семантических показателей в двух основных функциональных группах отвлечённой лексики в Евангелии от Марка

Показатель	Функционально-старославянская лексика (%)	Полифункциональная лексика (%)
Абстрактная лексика	46,7	53,3
Опредмеченная лексика	26,8	73,2
Непроизводная лексика	35,7	64,3
Производная лексика	43,6	56,4
Лексика, образованная путём:		
- суффиксации	37,3	62,7
- префиксации	38,5	61,5
- суффиксально-префиксальным способом	100	-
- основосложением	75	25
- *основосложением с одновременной суффиксацией*	80	20
- безаффиксным способом	33,3	66,7
Отглагольная лексика	36,8	63,2
Отыменная лексика	46,5	53,5
Лексика, образованная от двух основ	77,8	22,2
Адъективно ориентированная лексика	57,1	42,9
Глагольно ориентированная лексика	50	50
Субстантивно ориентированная лексика	33,8	66,2
Абстрактные понятия	40	60
Опредмеченные понятия	26,2	73,8
ЛТГ		
Лексика психо-физических явлений	33,3	66,7
Лексика интеллектуально-духовных явлений	18,8	51,2
Лексика природно-социальных явлений	13,8	86,2
Темпоральная лексика	26,7	73,3
Пространственная лексика	37,5	62,5
ЛСГ		
Лексика со значением:		
- абстрактного признака	42,9	57,1
- человеческого свойства или качества	63,6	36,4
- признака действия	50	50
- конкретного физического действия	50	50
- духовного действия	-	100
- социально-духовного действия	25	75
- движения	66,7	33,3

- пространственного положения	100	-
- изменения состояния	33,3	66,7
- голосового и речевого акта	60	40
Лексика с релятивным значением	100	-
Лексика с модальным значением	100	-
Онтологические понятия	14,3	85,7
Аксиологические понятия	10	90
Сакральные понятия	64,7	35,3
Психические понятия	33,3	66,7
Интеллектуально-духовные понятия	46,2	53,8
Физические понятия	-	100
Темпоральные понятия	22,2	77,8
Обобщённые понятия человеческой группы	100 -	- 100
Обобщённые понятия пространства	100	-
Понятия умозрительного объекта	50	50
Понятия совокупности ценностей	40	60
Понятия продукта социального или социально-духовного действия	33,3	66,7
Пространственная опредмеченная лексика	33,3	66,7
Темпоральная лексика		
Лексика, обозначающая:	40	60
- живую субстанцию	-	100
- человеческое поведение	-	100
- совокупность ценностей	66,7	33,3
- общественные институты	100	-
- физические явления	33,3	66,7
- сверхъестественные явления		
- социальные, биологические или социально-биологические явления	18,2	81,8
Опредмеченная лексика с семантикой результата действия	16,7	83,3

Данные соотносительной таблицы показывают, что две основные функционально-речевые группы абстрактной лексики (функционально старославянская и полифункциональная) имеют некоторые различия на словообразовательном и семантическом уровнях.

Учитывая тот факт, что функционально старославянская и полифункциональная лексика представлены в процентном отношении к общему объёму материала как 38 и 62 соответственно, можно установить, насколько совпадают с этим процентным отношением доли обеих функционально-речевых групп в массе лексики, представляющей различные словообразовательные и семантические показатели. Например, отглагольная лексика представлена 36,7 процентами функционально старославянской лексики и 63,2 процентами полифункциональной лексики, что примерно соответствует тому, какую долю обе функциональные группы лексики

имеют в общем объёме материала. Следовательно, отглагольная лексика одинаково характерна как для функционально старославянской лексики, так и для полифункциональной.

Аналогично были получены и следующие выводы. Наиболее характерным оказалось то, что собственно отвлечённая лексика более полно представлена в функционально старославянской группе, а "опредмеченная" - в полифункциональной. Производность и непроизводность одинаково характерны для обеих функциональных групп. То же самое можно сказать и о лексике, образованной суффиксальным и префиксальным способами, в отличие от неё для полифункциональной группы лексики менее, чем для функционально старославянской, характерны такие способы словообразования как суффиксально-префиксальный, основосложение и основосложение с одновременной суффиксацией. Среди ЛСГ наиболее характерными для полифункциональной лексики оказались группы лексики со значением абстрактного признака, духовного действия, социально-духовного действия, результата действия, опредмеченные понятия со значением человеческого поведения, совокупности ценностей, социального, биологического или социально-биологического явления, онтологические, аксиологические, физические абстрактные понятия и обобщённые понятия пространства. В функционально старославянской группе лексики наиболее полно представлены ЛСГ со значением человеческого свойства и качества, признака действия, движения, голосового и речевого акта, конкретного физического действия, с релятивным и модальным значением, а также сакральные понятия, абстрактные понятия умозрительного объекта и совокупности ценностей, обобщённые понятия человеческой группы, опредмеченные понятия со значением общественного института и физического явления.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что функционально-речевым различиям лексики соответствуют и различия на словообразовательном и семантическом уровнях.

Примечания

1. Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. М. 1912.
2. Словарь древнерусского языка XI-XVII вв. Вып. 1-15. М., 1976.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. СПб., 1903.
4. Старославянский словарь/ Под ред. Р. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

Н.Н. Шарандина

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОИСХОЖДЕНИЯ АРГО

Происхождение, формирование и развитие арго имеют социальный характер. Исследователи арго и естественного языка, социологи и юристы [1,2,3,4] полагают, что асоциальные группы образовались после деления общества на антагонистические классы, и возникновение таких групп есть не что иное, как форма протеста против существующих в обществе порядков, выражающаяся также в групповом языке.

В любом гражданском обществе действуют свои законы, ограничивающие в чем-либо деятельность человека, его потребности и пристрастия (интересы). Закон в обществе – это своего рода кодекс запретов (табу) на что-либо. На этом базируется общественный строй, общественные отношения, руководствуясь императивами «надо», «следует», «так должно быть» и т.п. Нарушение табу (иначе - закона) приводит к тому, что образуется определенное количество людей-нарушителей, которых наказывают и изолируют от общества. Формируется каста деклассированных, у которой имеются свои «звериные» законы, философия, жизненные ориентиры, свой язык, который непременно должен отличаться от языка «законопослушников». Человек устроен так, что всегда хочет узнать вкус запретного плода, развенчать табу. Как отмечает философ П. Тиллих, «современные циники не способны следовать за кем-либо. У них нет ни веры в разум, ни критерия истины, ни системы ценностей, ни ответа на вопрос о смысле. Они стараются нарушить всякую предложенную им норму. Они мужественно отвергают любое решение, которое может лишить их свободы отвергнуть все, что они хотят отвергнуть» [5].

Несомненно, общение между людьми обусловлено определенными причинами и зависит от ряда факторов: социального и экономического статуса человека, психологических особенностей, интеллектуального уровня развития; особенно эта обусловленность проявляется в общении деклассированных друг с другом и еще более в тех случаях, когда общение выходит на уровень «деклассированные: законопослушные». Так, Б.Серебренников замечает, что «принадлежность к определенному классу, социальное происхождение, среда, в которой человек постоянно вращается, также способствует появлению некоторых речевых особенностей» [6].

Луис Фарре в своей «Философской антропологии» пишет, что «язык – человеческий инстинкт, но его оформление и развитие зависит от социальной среды» [7]. Человеческое общество развивается по спирали, каждый виток которой, помимо нового содержания, сохраняет в себе незыблемые старые черты – традиции, которые передаются от одного поколения к другому, можно говорить о так называемых культурно-языковых архетипах, которые, безусловно, реализуются в арго. Базой современного воровского языка является богатый языковой, социальный

опыт преступников прошлых лет. Ведь известно, что арго совершенствуется вместе с преступным миром. В связи с этим важен вопрос о происхождении арго.

В лингвистической литературе существует несколько подходов к рассмотрению вопроса о происхождении арго. В основном они носят гипотетический характер, ибо науке до сих пор не удалось доказать историческую подлинность языка - прародителя арго.

Традиционная точка зрения на происхождение арго излагается большинством лингвистов и социологов [3,4,8,9,10]: в основе возникновения арго лежит офенский язык – язык бродячих торговцев, купцов, которые вынуждены были засекречивать свою речь, чтобы спасти свою жизнь и свой товар от опасности со стороны лихих людей. Как отмечает М.А. Грачев, офени «нередко совершали противоправные действия: при скупке и торговле – часто мошенничество, при случае – кража» [4]. Грачев берет во внимание тезис В.Д. Бондалетова о праофенском языке [4], прародителе арго, но считает, что офенский язык оказал лишь наибольшее влияние на формирование воровского языка; однако считать его единственным источником нельзя. Л.И. Скворцов также поддерживает традиционную точку зрения на происхождение арго и выстраивает своего рода схему «пути расширения социальной базы арго» (Н.Ш.): бродячие торговцы офени → рыночные торговцы → городские грабительские (воровские) шайки → городские низы [11]. А.В. Кучинский упоминает о существовании в VII веке в России офенского народа, «бесследно исчезнувшего и оставившего о себе память лишь в русских былинах» [10]. Имеются сведения и о языках, подобных офенскому. Например, П.И. Мельников говорит о таких языках, как галифонском в Галиче, в Нерехотском и других уездах Костромской губернии, матрайском в Муромском уезде и под Арзамасом в селе Красном, кантюжном – воровском языке в Рязанской, Московской и Тверской губерниях, языке ковровских шерстобитов, петербургских мазуриков (байковый). Как отмечает П. Мельников, «все эти языки из переиначенных или придуманных слов с русской грамматикой» [12].

Существует еще одна точка зрения на выяснение истоков арго, относящаяся к воляпюку – несостоявшейся и не введенной в употребление искусственной модели языка, изобретателем которой был И. Шлейер. По мнению Д.С. Лихачева, воляпюк потерпел крах «благодаря» тому, что частично был перенесен в преступную среду [3]. Но, как и перечисленные выше точки зрения, она имеет гипотетический характер.

Другое распространенное положение заключается в том, что базой арго является язык волжских и других разбойников. Так, например, С. Максимов пишет, что «воровской язык «музыки» ведет свое происхождение от древних воров, язык которых был в то же время и языком волжских и других разбойников» [8]. Н. Сайгушев, рассказывая о разбойниках на Волге, отмечает, что «торговый путь в 1606-1607 г.г. был парализован отрядами казаков и судовых ярыжек – чернорабочих, грузчиков,

бурлаков, гребцов: они грабили купеческие караваны» [13]. Как правило, в качестве примеров, дошедших до нас, приводятся разбойничий крик «Сарынь на кичку!» – «бить всех»; «Бурлаки! Убирайтесь все к носу!» [14]; «пустить красного петуха» – «выстрелить из ружья»; «поджечь дом в деревне» [4] и пр.

М.А. Грачев, Б.А. Ларин указывают на роль территориальных диалектов и просторечия в формировании арго.

«Широкий международный языковой обмен в арго», о котором пишут Б.А. Ларин, исследуя западно-европейские элементы русского воровского арго [2], М.М. Фридман, говоря о еврейских заимствованиях, Н.К. Дмитриев, говоря о турецких элементах в арго, и А.П. Баранников, характеризуя заимствования из цыганского языка,– еще один путь формирования воровского языка. «Оттого ли, что легче брать готовое, чем изобретать новое, или по другим причинам – в старых арго почти неизвестна деформация слов общего языка», – пишет Б.А. Ларин и отмечает, что заимствования в русском арго идут по трем направлениям:

а) иноязычные слова, вошедшие в арго из ближайшего (т.е. русского) литературного языка,

б) заимствования из западно-европейских литературных языков,

в) заимствования из западно-европейских арго [2].

Дополняя эти сведения, М.М. Фридман говорит о наличии вторичных признаков у заимствованных слов в арго, и эти признаки создают «в новой лексической среде новое и свежее значение» благодаря «новым ассоциативным связям» [15].

Следующий взгляд на проблему происхождения и становления воровского языка – связь арго с тарабарским языком. Тарабарский язык был в употреблении уже в XVII веке и представляет собой шифр: согласные буквы русского языка писались в следующем порядке:

Б, В, Г, Д, Ж, З, К, Л, М, Н,
Щ, Ш, Ч, Ц, Х, Ф, Т, С, Р, П

и употреблялись Б вместо Щ, Щ вместо Б и т.д. П.И. Мельников отмечает, что тарабарская грамота широко применялась в старообрядческой среде, например, «Велено по самой скорости шо шле лтикы послать чтоб ониласи и шель памоц разобрать и которы но мешифни не приписаны, тех бы шоп шылсак...» – «Велено по самой скорости во все скиты послать, чтоб их описать и весь народ разобрать, и которы по ревизии не приписаны, тех бы вон выслать» [16].

В.С. Елистратов, рассматривая вопрос о происхождении арго, предполагает, что существовали «некие протоарготические поэтики в языках и культурах древних цивилизаций Шумера, Аккада, Египта и т.д., не говоря уже об арго в греческих полисах, Риме и Константинополе» [17]. Также он полагает, что эпоха Средневековья, пышные оргии, празднества, карнавалы оказали влияние на формирование арго. Здесь В.С. Елистратов опирается на

идею раблезианского комплекса: «Карнавально-раблезианское арго изобилует образами т.н. телесного низа (фалл, зад, брюхо), пира, пьянства, кухни, физиологических оправлений, половой жизни...» [17].

Итак, мы перечислили основные направления в рассмотрении проблемы происхождения арго. Думается, каждое из них имеет рациональное зерно, каждая точка зрения по-своему правомерна. Недаром все эти лингвистические подходы, кроме, пожалуй, представленного В.С. Елистратовым, относятся к разряду традиционных. И все же вопрос о происхождении арго до сих пор остается открытым. Безусловно, можно признать тот факт, что офенский язык оказал наибольшее влияние на формирование арго, чем диалектные и просторечные заимствования и тарабарский язык. Это объясняется и специфической функцией «тайности» офенского языка, и естественным характером создания офенских слов в ходе коммуникативного процесса. Заимствования из других языков, шифры (тайнопись) стали использоваться позже, когда арго в какой-то степени уже сформировалось и имело свой лексический потенциал, но нуждалось в дополнительных способах его пополнения. Мнения о том, что условные языки типа офенского были одним из главных источников воровского языка, придерживается и В. Козловский, который отмечает, что первые сведения о русском арго относятся к началу XVII века, когда голландец И. Масса так написал о казачьем бунте под предводительством И. Болотникова (1606-1607): «Эти казаки различных племен из Московии, Татарии, Турции, Польши, Литвы, Карелии и Неметчины по большей части московиты и говорят по-московски, но сверх того между собой они употребляют особый язык, который они называют «отверница» [14]. В этом «отверницком» языке были слова, которые до сих пор сохранились в арго: «лох» (мужик), «клева» (хорошо) и пр.

Мы считаем, что в формировании воровского языка участвовали все названные нами факторы, и схематично это можно изобразить в виде полевой структуры, где в качестве ядерного (основного) фактора выступает офенский язык, а другие дополнили и развили его, обогатив прежде всего лексическим составом:

Рисунок 1. Пути возникновения и формирования русского арго.

Таким образом, происхождение арго исторически и социально обусловлено.

Примечания

1. Лебедев В. Словарь воровского языка // Вестник полиции. 1909. №22– 24
2. Ларин Б.А. Западно-европейские элементы русского воровского арго// Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 113-130.
3. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи// Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. Одинцово, 1992. С. 354-398.
4. Грачев М.А. Русское арго. Н.Новгород, 1997.
5. Тиллих П. Мужество быть// Октябрь. 1992. №9. С. 152-170.
6. Серебренников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка// Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 478.
7. Фарре Л. Философская антропология // Это человек. Антология. М., С. 193-194.
8. Максимов С. Сибирь и каторга. СПб., 1871.
9. Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев (Уголовные языки как особый тип социальных диалектов): Учеб. пособие. Рязань, 1974. Вып. 1.
10. Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычаи, язык, татуировки: Энциклопедия. Д., 1998. С. 246.
11. Скворцов Л.И. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода). Дис.... канд. филол. наук. М., 1966. С. 105.
12. Мельников П.И. На горах. М., 1998. С. 423.
13. Сайгушев Н. Разбойники на Волге// Волга. 1993. №1. С. 163-169.
14. Козловский В. Сборник русских воровских словарей. В 4 т. Нью-Йорк, 1983.Т.1С.5-18.
15. Фридман М.М. Еврейские элементы «блатной музыки»// Язык и литература. Л., 1931. Т.7. С.131-138.
16. Мельников П.И. В лесах. М., 1998. С. 497.
17. Елистратов В.С. Арго и культура// Словарь московского арго: материалы 1980-1994 гг. М., 1994. С. 598, 653.

Е.С. Ярыгина

ТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ

Познавательная деятельность человека, как и любая другая деятельность, находит отражение в языковых средствах: типы познавательной деятельности представлены глагольными лексемами (*изучать, анализировать, классифицировать* и др.) и девербативами (*наблюдение, сравнение, обобщение, систематизация* и т.д.), сам переход от незнания к знанию фиксируется в вопросно-ответных единствах.

Когда в процессе познания соединяются разные типы ментальной деятельности одного субъекта, то принято говорить о двух типах мышления – индуктивном и дедуктивном. При переходе от наблюдения к теоретическому обобщению говорят об индуктивном мышлении, и наоборот: если обобщение строится на основе наблюдения и предваряется им, такой способ мышления квалифицируется как дедуктивный.

В процессе познания мыслящий субъект устанавливает отношения между явлениями, фактами, событиями объективного мира. Если эти события располагаются на одной временной оси, то для познающего возможно как ретроспективное, так и перспективное их соотнесение, т.е. взгляд либо из настоящего в прошлое, либо из настоящего в будущее.

Все эти и многие другие типы мышления находят свое отражение в синтаксической системе русского языка. В частности, дедуктивный и ретроспективный способ познания выражается конструкциями вывода-обоснования. Например:

Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказать какой-то комплимент княжне; ***она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою*** (М.Ю. Лермонтов); - *Что-то ужасное происходит у монастыря, - воскликнула Ольга, - моя душа предчувствует.. О, Юрий! Юрий!.. если б ты знал, мы гибнем… ты заметил ли зловещий шепот народа при выходе из церкви и заметил ли эти дикие лица нищих, которые радовались и веселились…* ***о, это дурной знак: святые плачут, когда демоны смеются*** (М.Ю. Лермонтов).

Конструкции вывода-обоснования всегда полипропозитивны: они содержат минимум две пропозиции – одна пропозиция в выводе, другая – в обосновании. Пропозицию при этом будем понимать в логическом смысле - как определенную форму суждения, соответствующую определенной форме мысли и состоящую из модуса утверждения и диктума. Инверсия модуса и пропозиции зависит от типа модуса. Н.Д.Арутюнова выделяет 4 типа модуса: 1) перцептивный (сенсорный); 2) ментальный (когнитивный, эпистемический); 3) эмотивный и 4) волеизъявительный (волитивный). [1]

В логике описываются три типа суждений: общие частные и единичные [2,3]. В лингвистике сформированы разные теории, основанные на этом логическом делении суждений: о типах референции, о пространственно-временной локализованности как суперкатегории предложения, о коммуникативных типах речи. Связь пропозиции с типом суждения можно осуществить и с привлечением понятия ранга пропозиции. Общему суждению соответствует пропозиция обобщенного (гномического) ранга, частному суждению – пропозиция информативного ранга, а единичному – пропозиция перцептивного ранга. Ранг пропозиции – это характер семантики и структуры пропозиции, обусловленный имплицитным модусом. Понятие ранг пропозиции необходимо для интерпретации и классификации предложений вывода-обоснования, поскольку, в отличие от многих других сложных предложений, эти конструкции различаются именно рангом пропозиции в аргументирующей части. Маркированным компонентом, а значит, и основанием для классификации, является вторая

часть анализируемых конструкций, что и требует введения нового понятия – ранг пропозиции.

Как может происходить процесс обоснования? Обосновывать можно через общее суждение посредством пропозиции гномического (высшего) ранга. Для этого используется специально предназначенная языком форма – пословицы, например: *Не торопись: тише едешь – дальше будешь.* Другой пример общего суждения в аргументирующей части: *Я не мог ее понять. Да и как вообще можно понять женщину, если она не предсказуема!* Обоснованием может быть пропозиция информативного ранга: *Это хороший магазин: сюда ходят многие из моих знакомых.* И обоснование через пропозицию перцептивного ранга: *Ночью был сильный дождь: видишь, лужи на асфальте не высохли.*

Общим свойством всех конструкций вывода-обоснования является то, что компонент «вывод» в них формируется на основе одного модуса – модуса полагания. А различаются они компонентом «обоснование», который определяется либо модусом перцептивным (сенсорным), либо модусом ментальным (знания). С этой точки зрения весь анализируемый нами языковой материал можно подразделить на две группы: 1) структуры, содержащие в обосновании перцептивный модус, и 2) структуры, содержащие в обосновании модус знания. В настоящей статье рассматриваются только конструкции вывода-обоснования второго типа.

Конструкции вывода-обоснования всегда связаны с я-модусной рамкой, предполагающей совпадение субъекта сознания и субъекта речи. Это означает, что данные синтаксические структуры являются текстово обусловленными: они оказываются возможными лишь там, где есть фигура повествователя.

Объектом исследования в данной статье являются конструкции вывода-обоснования, взятые из произведений М.Ю. Лермонтова. Нестихотворные произведения М.Ю. Лермонтова относятся к типу реалистической психологической прозы, где повествование ведется от имени рассказчика, который, однако, не совпадает со всеведущим автором. Повествователь у Лермонтова – это один из персонажей, находящийся в гуще событий и действующий в сюжетных рамках. В то же время говорящий – это реальный человек, субъект сознания и восприятия, познающий мир.

Внимание говорящего привлекают качества или свойства предметов действительности, поступки людей и их отношения друг с другом и т.д., восприятие часто служит основой оценки какого-либо явления. В любом случае видимое, как и знания, представляет собой определенный, уже свершившийся факт, а компонент «вывод» в конструкциях вывода-обоснования – это умопостигаемый субъектом-наблюдателем и субъектом мнения образ мира.

Коммуникативная интенция говорящего предполагает выбор речевой формы. Говорящий у М.Ю. Лермонтова на основе собственных наблюдений

и жизненного опыта делает определенные выводы, но главное для него – показать, почему он приходит к данному заключению, обнаружить (для адресата или читателя) тот путь, который привел его к выводу. Именно коммуникативным замыслом говорящего: передать не только собственные логические обобщения, но и их основания – объясняется высокая частотность конструкций вывода-обоснования в прозе М.Ю. Лермонтова.

Текстовые возможности конструкций вывода-обоснования можно показать, используя в качестве исследовательского «инструмента» идею субъектной перспективы текста [4]. Объединение и дифференциация разных ипостасей субъекта действующего и говорящего, наблюдающего мир и мыслящего о мире в грамматической системе языка реализуется в рамках категории синтаксического лица, которая (вместе с формами наклонения) формирует «основное организующее значение «сказуемости»[5]. Хорошо известно, что синтаксическая категория лица значительно шире морфологического лица, «выражаемого главным образом формами местоимений и глагола» [6], и может выражаться в высказывании не только морфологически, но и конструктивно-синтаксическим и интонационно-синтаксическим способом. Под синтаксической категорией лица, вслед за Г.А. Золотовой, будем понимать «соответствие субъекта-носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из 3-х лиц участников/неучастников общения» [7]. Исходя из такого понимания можно противопоставить форму 1-го лица, обозначающую совпадение субъекта действия (состояния, носителя признака) и субъекта речи, т.е. совпадение субъекта модуса и субъекта пропозиции, формам 2-го и 3-го лица, дифференцирующим субъекта действия и говорящего: в форме 2-го лица субъект действия равен адресату, а в форме 3-го лица субъект модуса не равен субъекту пропозиции [8].

Термин «субъект» трактуется на семантической основе как предицируемый компонент конструкции, который может совпадать с грамматическим субъектом (подлежащим), а может и не соответствовать последнему. В конкретном высказывании (тексте) «субъект… в соединении с предикатом образует субъектную сферу» [9]. Для целей нашего исследования важно также дифференцировать субъект модуса и субъект пропозиции.

Своеобразие конструкций вывода-обоснования с модусом знания во второй части, по нашему мнению состоит в том, что в части «вывод» они содержат оценку в широком смысле слова с точки зрения субъекта сознания и речи. Хорошо известно, что оценочные высказывания проявляют необыкновенное коммуникативное разнообразие. П. Ноуэлл-Смит указывал, что для целей практической речи оценочные слова могут выражать «вкусы и предпочтения, решение и выбор, они составляют ядро критических текстов, с их помощью производится квалификация и апробация знаний, умений и способностей, они составляют неотъемлемую часть советов, выговоров,

предупреждений, убеждений, разубеждений, похвал, поощрений, осуждений, повышение по должности и дисквалификации. Во всех этих видах речевой деятельности прослеживается сложное переплетение оценочных значений» [1].

В конструкциях вывода-обоснования компонент «вывод» заключает оценку какого-то объекта (это может быть конкретное лицо или некоторая ситуация в окружающей субъекта говорящего действительности); содержание 2-ой части конструкции состоит в обосновании предложенной оценки, которая строится на модусе знания. Подобные конструкции призваны оказывать определенное воздействие на адресата, например, расширить его информированность, убедить собеседника в правоте мнения говорящего либо заставить его изменить собственные взгляды или оценки [1]. Оценка, содержащаяся в выводе, является частной оценкой [1]. Так как она формируется в процессе познания объективного мира и на основании окружающей действительности, такая оценка имеет объективно-субъективный характер: «…то, что есть в действительности, это основания для прогноза, гипотезы, вывода и т.п.», полученных дедуктивным путем [10].

Обратимся к анализу языкового материала.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик, матерьялист, как все почти медики, а вместе с тем поэт, и не на шутку, - поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием... (М.Ю.Лермонтов).

1-ое предложение – это вывод, в котором говорящий дает оценку (приписывает некоторое свойство) объекту (Вернеру). По терминологии М.А. Дмитровской, это «мнение-оценка» [10]. Субъект оценки, модуса полагания, не вербализован, «остается за кадром». Пропозиция же представляет сферу 3-го лица (говорящий делает заключение не о себе, а относительно другого человека). Сама конструкция относится к *Он*-предложениям [11], которые характеризуются (чаще) невербализованной *Я*-модусной рамкой, формируемой совпадением субъекта речи и субъекта мнения.

Время в первой предикативной единице - неактуальное настоящее. Сама оценочная пропозиция принадлежит к информативному рангу. Ее связь с компонентом «обоснование» осуществляется посредством дейктического местоимения ***он***. Тот же субъект речи (говорящий) – он же субъект модуса (однако здесь уже иного – модуса знания) наделяет субъекта пропозиции (Вернера) определенными свойствами, которые являются частными и в совокупности раскрывают содержание предиката ***замечательный человек*** в компоненте «вывод». Следовательно, предикаты в обосновании мотивируют общую оценку, являются ее слагаемыми, критериями по отношению к

оценочному предикату ***замечательный человек*** [1]. Подобные предикаты Н.Д. Арутюнова относит к группе «каузальных предикатов» [1]. Однако набор свойств, присущих «замечательному человеку», может быть отличным от предложенного в зависимости от морально-этических установок говорящего: другой субъект оценки мотивирует свое представление о «замечательном человеке» совершенно иными качествами. Поэтому выбор оснований оценки характеризует и субъекта мнения (говорящего). Подобный набор признаков для аргументации оценки возможен лишь в рамках особого типа сознания, которое свойственно не всем рассказчикам М.Ю. Лермонтова (например, несвойственно Максиму Максимычу).

Еще пример:

…Глупец я или злодей, не знаю; ***но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; все мне мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня****; мне осталось одно средство: путешествовать.* (М.Ю.Лермонтов)

Приведенный пример интересен тем, что в выводе субъект модуса равен субъекту пропозиции, что обнаруживается формой 1-го лица местоимения ***я***; в обосновании субъект пропозиции делится на части (*душа, сердце, воображение*), при этом субъект модуса дистанцируется от субъекта пропозиции (как бы смотрит на себя в зеркало), что и обозначается 3-м лицом. Модус полагания соотносится со статичным, оценочно-характеризующим предикатом ***достоин сожаления***; модус знания – также со статичными, констатирующими предикатами качества, свойства субъекта.

Таксисными отношениями обусловлено использование видо-временных форм предикатов. В выводе форма настоящего времени детерминируется совпадением момента речи с моментом сообщаемого, поэтому ***достоин сожаления*** относится к настоящему времени. В компоненте «обоснование» употребляется форма статичного перфектно-результативного времени ***испорчена*** в сочетании с настоящим расширенно-характеристического и узуального значения: ***беспокойное, ненасытное, мало, привыкаю, становится пустее***. Формы эти не «двигают» сюжета, они передают ментальное состояние знания, «имения в уме» субъекта названных свойств, а потому время в компоненте «вывод» неактуальное.

Конструкции вывода-обоснования со значением «оценка – мотивация, аргументация оценки» могут соединять информативный и обобщающий, гномический ранг пропозиции. Например:

Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, ***и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря****. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина*

чувств и мыслей не допускает бешеных порывов: душа, страдая и наслаждаясь, во всем дает себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью, - лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие. (М.Ю. Лермонтов, Вадим)

Если компонент «вывод», содержащий оценку, относится к информационному рангу пропозиции, то в «обосновании» говорящий, поднимаясь на более высокую ступень абстракции, соотносит свое знание с универсальным опытом. Это подтверждается использованием в роли субъекта имени класса [12]. В нашем случае это существительное ***реки*** с квантором общности ***многие***. Кроме того, в таких в пропозициях обобщенного (гномического) ранга отсутствуют признаки говорящего субъекта, отсутствует сам хронотоп и какая-либо прикрепленность содержания к конкретному времени и пространству [13].

Аналогичную картину комбинирования пропозиционных рангов можно наблюдать в примере:

Нет ничего парадоксальнее женского ума: женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; *порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален; чтобы выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики.* (М.Ю. Лермонтов)

Компонент «вывод» содержит оценку. Эта часть высказывания построена по модели безличного предложения, типовое значение которого «субъект неличный и его характеристика», ср.: *женский ум парадоксален* или: *женский ум – парадоксальное явление.* В компоненте «обоснование» предикат ***трудно*** выполняет оценочную роль по отношению к действию, выраженному инфинитивом ***убедить***. Как указывает Г.А. Золотова, в структуре подобных синтаксических моделей «устанавливается соотношение между двумя предикативными признаками: действием (состоянием), названным в инфинитиве, и либо сопровождающим его внутренним состоянием того же субъекта, либо взвешивающей его оценкой со стороны» [12]. По отношению к более общему оценочному высказыванию в «выводе» оценка в «обосновании» является частной, порожденной личным опытом говорящего. В результате значение потенциальности действия, свойственное инфинитиву, ослабляется, но усиливается модальное значение невозможности (или высокая степень неуверенности в возможности) осуществления действия. Кроме того, предикат ***трудно убедить*** может быть отнесен к любому субъекту (мужчине), т.е. к обобщенно-личному [12]. Временное значение предикатов как в выводе, так и в обосновании неактуальное, обобщенное.

Обобщенность суждений в аргументирующей части может быть обусловлена принадлежностью субъекта модуса к определенному

социальному слою, среде. Так, в следующем примере речь идет не о мнении всех людей, а о точке зрения мужчин высшего света (при этом рассказчик оставляет за собой право не соглашаться с этим мнением):

*Она была похожа на неизвестного оратора, всходящего в первый раз по ступеням кафедры… от этого бала зависел успех ее в модном свете… **некстати пришитый бант, не на месте приколотый цветок мог навсегда разрушить ее будущность… И в самом деле, может ли женщина надеяться на успех, может ли она нравиться нашим франтам, если с первого взгляда скажут: alle a lair bourgeois… (у нее вид мещанки)** – это выражение, так некстати вкравшееся в наше чисто дворянское общество, имеет, однако же, ужасную власть над умами и отнимает все права у красоты и любезности. Вкус, батюшка, отменная манера.* (М.Ю. Лермонтов, Княгиня Лиговская)

В приведенном тексте компонент «вывод» принадлежит говорящему, совпадающему с субъектом мнения, чем создается я-модусная рамка. Глагол ***мог*** в предикате ***мог разрушить*** предполагает внешнюю точку зрения [12] и обнаруживает еще одну ипостась субъекта модуса – это наблюдатель, зрительно воспринимающий описываемую ситуацию. В тексте это подтверждается 1-м предложением, которое можно отнести к информативно-описательному типу текста: *Она была похожа на неизвестного оратора…* Будучи словарно моносемантическим, глагол *мочь* в разном контекстном окружении может прочитываться по-разному. Так, Ю.Д.Апресян отмечает у этого глагола предположительное (вероятностное) и собственно модальное значение [14], Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев рассматривают его использование в функции гипотезы [15], «Коммуникативная грамматика русского языка» называет три его основных значения: «(а) абилятивное (внутренний долг); (б) поссибилятивное (гипотетическое) и (в) пермиссивное (акт речевой каузации)» [12]. В приведенном примере, по нашему мнению, глагол ***мог*** употребляется в гипотетическом значении онтологической возможности узуального характера [15]. Узуальная возможность обнаруживается тогда, когда «потенциальная возможность осуществления связи между субъектом и признаком существует постоянно или в течение достаточно длительного промежутка времени» [16]. Предложения с узуальной возможностью в большей или меньшей степени эксплицируют внутренние свойства объекта оценки: *женщина с некстати пришитым бантом на платье или с не на месте приколотым цветком не обладает эстетическим вкусом.* В пропозиции предложения выделяется субъект базовой модели (***цветок, бант***), совпадающий с субъектом-каузатором.

Компонент «обоснование» представлен в тексте в форме вопросительно-отрицательного предложения, сближающегося с риторическим вопросом. Средством обнаружения субъекта знания является вводное сочетание ***в самом деле***. Союз ***и*** соединяет оценку ситуации в

«выводе» с ее мотивацией в «обосновании». Если в «выводе» объектом оценки является конкретный человек (княгиня Лиговская), то в «обосновании» говорящий поднимается на более высокую ступень обобщения: объект оценки уже обобщенный (*любая женщина, имеющая вид мещанки, не может рассчитывать на успех в обществе*) и выражен он именем класса *женщина*. Показателем значения обобщенности объекта оценки является форма множественного числа: ***франтам***, ***скажут*** (т.е. любой вообще). Средством выражения мнимой инклюзивности субъекта речи [12] является притяжательное местоимение ***нашим***: субъект мнения принадлежит к высшему свету, но его мнение не всегда совпадает с общим мнением.

Отмеченный нами выше признак узуальной возможности, свойственный модальному значению предиката в «выводе», детерминируется модальным значением онтологической невозможности, которое выражается в «обосновании» синтаксически – посредством вопросительно-отрицательной структуры.

В некоторых примерах причинно-аргументированные конструкции сближаются с собственно причинными, например:

Грушницкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал ее с глаз; бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-нибудь представил княгине. ***Она будет очень рада, потому что ей скучно.***

(М.Ю. Лермонтов)

Конструкция вывода-обоснования воплощается сложноподчиненным предложением. В нем обнаруживается один и тот же субъект пропозиции (княгиня Лиговская) и в главном предложении, и в придаточном, являющийся объектом оценки. В модусе главной и придаточной частей – один и тот же субъект речи, объединяющий в себе ипостаси субъекта мнения (оценки) и наблюдателя, перцептора, совпадающие в одном лице (Печорин). Высказывание прочитывается таким образом: говорящий, наблюдавший в течение некоторого периода жизнь другого лица, считает, что предстоящее событие (знакомство с Грушницким) должно каузировать изменение состояния этого лица. Форма будущего времени ***будет рада*** детерминируется тем, что передает каузируемое изменение состояния, но в то же время это лишь предполагаемое, с точки зрения говорящего, изменение состояния. Эта форма, с одной стороны, не может интерпретироваться как настоящее актуальное время, а с другой стороны содержит имплицитное модальное значение долженствования; ср.: *она обрадуется, она должна обрадоваться*. Форма ***скучно***, напротив, имеет значение актуального настоящего времени.

Итак, конструкции вывода-обоснования соединяют посредством двух модусов: модуса полагания и модуса знания – оценку и мотивацию, основания оценки, принадлежащие одному и тому же субъекту мыслящему и говорящему. В таких конструкциях, представляющих статичную картину

мира, отражается способность и потребность индивида к структурированию действительности. Реальные, объективные знания говорящего субъекта формируют предположительную оценку, оценку-гипотезу, мнение-оценку. В этом случае предикат в выводе-оценке имеет форму будущего времени или модальность гипотетической возможности. Оценка в «выводе» детерминируется либо внутренними свойствами объекта, либо обычностью, узуальностью ситуации, осведомленностью говорящего об общепринятых морально-этических, нравственных и других нормах, принятых в обществе. И в этом случае оценка «направлена» на говорящего: в такой оценке субъект речи обнаруживает свои знания о действительности, свой жизненный опыт.

Были рассмотрены два типа конструкций вывода-обоснования. В первом типе и оценка («вывод»), и основания оценки («обоснование») представлены пропозициями информативного ранга. Во втором - оценка («вывод») воплощается пропозициями информативного ранга, а критерии оценки («обоснование») – пропозициями гномического ранга.

Было показано, что появление конструкций вывода-обоснования обусловлено особым типом прозы – психологической прозы (в произведениях М.Ю. Лермонтова).

Использование исследованных конструкций обнаруживает определенный тип мышления, который у М.Ю. Лермонтова свойствен как герою, так и автору.

Итак, конструкции вывода-обоснования представляют собой структурированное рассуждение, помогающее автору вербализовать тип рассказчика, а читателю увидеть его.

Примечания

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Гетманова А.Д. Логика. М., 2000. С.72-73.
3. Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. М.-Нью-Йорк, 1993. С.59.
4. Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике// Русистика сегодня, 1994, № 3.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986. С. 374.
6. Грамматика русского языка. М., 1954. Т.2. Ч.1. С. 82.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С.158.
8. Ильенко С.Г. Персонализация и синтаксическая категория лица как средство формирования и реализации предикативности предложения// Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. М., 1971.
9. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981. С.76.
10. Дмитровская М.А. Глаголы знания и мнения (значение и употребление): АКД. М., 1985.
11. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С.162-169.
12. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
13. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. 1982. С.347.
14. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т.2. С.191-193.
15. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 293-298, 297.
16. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996. С.133.

СОДЕРЖАНИЕ

Романова Т.В. Концептуальная структура текста (П. Басинский «Московский пленник») 3

Рубцова Н.В. Научно-учебные тексты как источник формирования профессиональной ментальности студента 14

Сибирцева В.Г. Глагол как одно из средств выражения образности в русской народной загадке 19

Синеокова Т.Н. Повтор как форма дихотомического принципа организации эмоционального синтаксиса 26

Сметанина Н.П. Праславянский глагол **rekti* и его современные семантические производные (лингвистический очерк) 31

Черian О.В. Структурно-генетические гнезда зоофитоморфизмов... 38

Чумакова Т.В. Инфинитивные предложения с модальным значением неизбежности и их синонимика 42

Федорова В.В. Слово пушкинской сказки 50

Шабловская Л.А. Сравнительно-стилистическая характеристика отвлеченных имен существительных в Евангелии от Марка 53

Шарандина Н.Н. Социальный характер происхождения арго..... 62

Ярыгина Е.С. Текстовый потенциал конструкций вывода-обоснования 66

ЯЗЫК • РЕЧЬ • РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Межвузовский сборник научных трудов
Выпуск четвертый
Часть третья

Редакторы: Шахрова Л.П., Морозова Н.И.

Лицензия ЛР №020073 от 20.06.97

Подписано в печать 21.08.01. Формат 60x90/16 Печать офсетная

Печ. л. 4,9 Тираж 200 экз. Заказ Цена договорная

Издательство НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
603155, г. Н. Новгород, ул. Минина 31-а